

МАТИЛЬДА АВАЛАНЖ

18+

Опасная красота

ПОЩЕЛУКИ ИУДЫ

Хроники темной крови

Матильда Аваланж

Опасная красота. Поцелуи Иуды

«Автор»

2020

Аваланж М.

Опасная красота. Поцелуи Иуды / М. Аваланж — «Автор»,
2020 — (Хроники темной крови)

Устраиваясь на работу в полицию нравов, я думала, что буду бороться с людскими пороками...Я и подумать не могла, что однажды, рискнув всем, попаду в бордель. И что сюда в качестве клиента явится сам помощник комиссара полиции и... выберет меня. Я сделаю все, чтобы он молчал, какими бы извращенными не были его желания. Но даже отъявленный мерзавец, погрязший в жестокости и разврате, способен зайти слишком далеко...Первая книга цикла "Хроники темной крови". Можно читать отдельно от остальных книг цикла.

Матильда Аваланж

Опасная красота. Поцелуи Иуды

ПРОЛОГ

Остановившись около двери его кабинета, я замерла. Я знала, что он там. Я знала, что большая часть сотрудников отделения ушла – рабочий день закончился. Поздно.

Но он был там. В своем кабинете – за стеклянной перегородкой, закрытой жалюзи изнутри. Он никуда не уходил. Каким-то болезненным десятым чувством я его отслеживала. И никогда бы в жизни не пропустила, если он прошел мимо.

Я бы ушла! Клянусь святыми небесами – это было все, чего я хотела. О чем, затаившись, тихо просила Господа, судорожно сжимая подлокотники своего кресла.

Пусть сегодня я просто уйду домой. Мой рабочий день просто закончится, как и десятки, сотни раз до этого. Пусть сегодня все обойдется...

Пожалуйста!

Но за полчаса до конца рабочего дня он позвонил по внутреннему телефону и велел принести дело Илие Метреску, которое забирал Шенк. Да, того самого Метреску, о котором последние дни кричали заголовки всех газет Предьяла, не иначе – у газетчиков в полиции завелся осведомитель. Откуда бы они тогда с таким удовольствием смаковали подробности его смерти?

У бедного Илие Метреску кто-то вырезал печень. И Кастор Трой, помощник начальника полицейского управления, желал в который раз ознакомиться с подробностями жизни и смерти несчастного.

Я ступила в его кабинет, прикрыв за собой дверь так осторожно, будто она была хрустальной и такой хрупкой, что от малейшего сотрясения разбилась бы вдребезги...

Но это я должна была разбиться вдребезги!

Я... я... я...

Разлететься на осколки с острыми гранями – как много лет назад раскололась перламутровая оправа маминого зеркала. Изящная вещица, которая как магнитом влекла меня – десятилетнюю девочку в венке из жимолости, без спроса забравшуюся в мамину комнату...

Я думала, сплетение молочно-белых нежных цветов сделает меня хоть немного красивее. Но я ошибалась.

Уронив его, я так и осталась в холодной глади пухлощечкой девчонкой, отчаянно ненавидящей себя. Узкие глаза. Нос картошкой. Толстые губы. Беспорядочно топорщащиеся в разные стороны волосы. Даже цветы утратили свою красоту и живость рядом со мной – красноносой безобразной жабой...

– Моника, я же столько раз говорила – нельзя заходить в мою комнату! Ну вот, посмотри, что ты наделала – разбила зеркало, которое подарила мне моя бабушка на восемнадцать лет! Испортила такую красивую, старинную и памятную вещь!

– Мама, я все исправлю! Я склею оправу так аккуратно, что будет незаметно!

– Нет. Вещь безнадежно испорчена.

– Офицер Трой, дело Метреску... – негромко прошептала я, изо всех сил прижимая к себе папку, как будто не желая расставаться с ней и ища в ней свое спасение. – Я могу идти?

Положить на его стол, не поднимая глаз, и – прочь из проклятой комнаты! Он ведь не просто так захотел изучить подробности поздним вечером, когда почти все другие сотрудники, включая самого комиссара, уже ушли.

Не просто так?!

– Моника... – вместо ответа с удовольствием протянул он, не сводя с меня глаз. – Забавное имя – напоминает сливочную помадку с клубничной начинкой. Такое нежное, мягкое... Такое ароматное и податливое. Просто тает на губах. Моника...

Никакой субординации. Он знает, что может говорить все, что угодно. Может делать все, что угодно. А меня...

Меня просто трясет.

Плевать он хотел на бедного Илие Метреску, вот что. Но почему я не удивлена? И почему, когда Кастор Трой произносит мое имя, что-то тягуче отдается внутри? Что-то темное и обволакивающее, омерзительное и сладкое, как десерт, от которого, несмотря на его приторность, невозможно отказаться...

Помощник комиссара вольготно развалился в кожаном кресле, положив ноги прямо на стол. Стрижка «под фрица», радужка темно-карих глаз мерцает буроватым блеском, а на тонких губах играет его всегдашняя усмешечка.

«Говорят, офицер Трой перетрахал всех симпатичных девочек в третьем управлении, – шепотом сообщила мне Фелиция, когда нам представляли новое начальство. – И знаешь, я этих баб понимаю! Хорош, паскуда!». «Но как же полиция нравов?» – поразила я тогда, – «За распущенность его должны были арестовать, подвергнуть наказанию и исключить из полиции!». «Поговаривают, Кастор Трой пользуется особым расположением Великого Князя вампиров Константина Леоне», – усмехнулась Фели, – «Ты же понимаешь, что это значит. Что дозволено Юпитеру – не дозволено быку...».

От бесстыдного взгляда офицера Троя меня кидает в дрожь. Ему дозволено все.

И сейчас ему скучно.

А если Кастору Трою скучно, мне впору биться в истерике...

Я запоздало замечаю обтекаемый металлический корпус с острой (слишком острой!) иглой, зажатый в его пальцах, и в следующее мгновение дротик вонзается в мишень за моей спиной.

В «яблочко». Но это мог быть и мой глаз – слишком близко просвистела тонкая изящная игла.

– Что-то не слышу я бурных аплодисментов, – Кастор Трой переводит взгляд с мишени на меня. – А они вроде как должны быть, нет?

Будь на его месте я – промазала. Да и вообще вряд ли занималась на рабочем месте такими сомнительными развлечениями, как дартс. Но разумеется, вы заслужили аплодисменты, офицер Трой, разумеется...

А теперь позвольте мне уйти!

– Потрясающая меткость, я в восхищении! Я могу быть свободна? – едва слышно выдыхаю и осторожно кладу папку, в которой содержится все про жизнь и смерть Илие Метреску, на краешек его стола. – Хорошего вечера, офицер...

Его голос останавливает меня уже на выходе. Прямо около утыканной дротиками мишени, которая висит на двери.

– Не так быстро, Мо-о-оника, – ему определенно нравится мое имя – слишком ласково и напевно, слишком сладко он тянет своим характерным голосом, от которого у меня подкашиваются коленки. – Золотце, не находишь, что мои ботинки слишком грязные? Я вот терпеть не могу нечищеную обувь, а ты?

Сглатываю, судорожно сжав пальцы. Это уже ни в какие ворота! Он не посмеет меня так унижить, не посмеет! Я, Моника Калдер – его подчиненная, а не личная служанка, не рабыня!

– Давай, зайчонок, – он прикуривает, не глядя на меня, как будто говорит о чем-то само собой разумеющемся. – Сделай это. Приведи их в порядок. Тебе же за радость, я знаю.

Но ужаснее всего, что, вместо того, чтобы гневно послать его и хлопнуть дверью кабинета, я на ватных, негнущихся ногах подхожу к столу. Подхожу, словно двигаясь сквозь туман, не чувствуя под собой пола...

Его берцы из черной грубой кожи, которые он даже не потрудился убрать с заваленной бумагами столешницы, безупречно чистые. Ботинки с высокой шнуровкой крест-накрест – часть уставной формы полицейских, точно так же, как темно-синий китель, брюки с тонкими красными лампасами и белоснежная рубашка с шевроном на плече.

Золотой доберман на черном. Доберман – символ доблестной полиции Предьяла.

Униформа, которая на большинстве сотрудников смотрится довольно нелепо, сидит на Касторе Трое, как стильный костюм от именитого кутюрье.

А вот мне форма не положена – на работу я хожу в гражданском и сегодня я в черном платье с кружевным воротничком. Его моя бабушка носила, когда училась в колледже. Только вот беда – несмотря на приличную длину и мешковатость, оно имеет обыкновение задирается как-то совсем уж неприлично.

С трудом сдерживая слезы унижения и злости, я склоняюсь над его ботинками, проходя по и без того блестящей черной коже полиролью, всем своим существом ощущая его близость и его взгляд.

Внизу живота тугим клубком залегает что-то обжигающе-горячее и... стыдное. Будто бы невзначай он чуть поднимает руку, расслабленно лежащую на подлокотнике кресла, и моя грудь касается его кисти. Вмиг отреагировав на мимолетное прикосновение, соски твердеют и начинают ныть.

Вверх-вниз губкой для обуви по черной коже его возмутительно-агрессивных берцев. Ведь они должны блестеть, как зеркало...

Вверх-вниз перекачивается в моем животе раскаленный свинцовый шарик мучительно-сладкого желания, подбирающегося к налившимся густой, тягучей влагой складкам лона.

– У тебя на удивление классно получается, зайчонок, – Кастор Трой кривит тонкие губы, по-хозяйски лапая мою грудь, которая так приятно и полновесно ложится в его ладонь. Он сжимает и стискивает оба полушария, а я прикусываю губу и опускаю ресницы, боясь, что сейчас хлопнусь в обморок. – Тебе не в шлюхи надо было идти, а в чистильщики обуви. Ну, эти, которые на улицах, знаешь? Заработала бы на этом целое состояние, и не пришлось подвергаться таким моральным страданиям... Или ты не страдаешь, а, Моника?

Указательным и средним пальцами он сжимает и прямо сквозь ткань платья и кружево бюстгалтера до боли выкручивает мой сосок, отчего я выгибаюсь и едва сдерживаю рвущий внутренности позорный визг.

– Я не шлюха! Отпусти меня, я больше не могу... Хватит!

– Учитывая кой-какие твои секретки, вряд ли отдел по борьбе с нравственными преступлениями согласится – ты и сама знаешь, какие эти святоши на расправу скорые, – Трой вдруг убирает ноги со стола, а в следующее мгновение я оказываюсь сидящей у него на коленях – спиной к нему. – Если узнают, конечно. Но они не узнают, правда? Ты же будешь продолжать делать все от тебя зависящее, чтобы не узнали?

Прямо сквозь разделяющую нас одежду – сквозь мое старомодное бабушкино платье и его форменные брюки я чувствую его член. Он упирается прямо в мой зад, чуть ниже того места, где между судорожно сведенных ляжек мокнет, насквозь пропитавшись текущей из меня влагой, тонкая полоска моих трусиков.

– Иди к чертям собачьим, сукин ты сын! – полувсхлипываю, с трудом удерживаясь, чтобы не начать двигать бедрами по его бедрам, по его твердому члену, и вместо этого пытаюсь вырваться.

Офицер Трой находится в прекрасной физической форме – он играючи выкручивает мне руки, в корне подавив малейшую попытку сопротивления.

– Как смеете вы разговаривать с начальством в подобном тоне, мисс Калдер? – в издевательском голосе Кастора – колючие ноты и, опалая мою кожу жарким дыханием, по-вампиристи остроумными зубами он прикусывает мою шею.

Извиваюсь от боли, которая мешается с нездоровым, извращенным возбуждением, и панически дергаюсь, пытаюсь выбиться из его стального захвата. Между моих ног горячо и мокро – отвратительно и так постыдно испытывать такое с этим мужчиной.

С самого первого взгляда я знала, что от него нужно держаться подальше. Но и подумать не могла, что когда-нибудь он обратит свое внимание на меня.

– Ладно, будь по-твоему, золотце, – Кастор Трой неожиданно отпихивает меня, но в его голодном, алчущем взгляде пляшут сумасшедшие черти. – Когда до тебя дойдет, какую яму ты себе вырыла, и ты на коленях приползешь ко мне исправлять положение, учти – одной полиролью ты не отделаешься. Тебе придется вылизать их своим чудесным маленьким язычком. И не только их, по правде сказать.

Глумливо указав взглядом на свои ботинки, он бросил «Проваливай, зайчонок!», и я, как ошпаренная, выскочила за дверь, наконец-то дав волю горячим слезам и сжигающему меня стыду.

ГЛАВА 1

Новая метла по-новому метет

*Я бы тебе тихо спела
Голосом ангела про любовь
Для тебя бы заря заалела
И тьма отступила вновь
Я бы тебе танцевала
Пока ты не скажешь «Довольно»
Я бы тебя целовала
Утешала, когда тебе больно
Я бы тебе свою нежность дарила
В платье свадебном белом
Я всем сердцем тебя полюбила
Все для тебя я сделаю!*

Может быть, это не самые лучшие и красивые в мире стихи, но я сочинила их сама, и они идут от моей души.

Да, Итан, я все-таки пишу тебе. Это так страшно, но так волнительно и... правильно. Я просто это чувствую. Тому, что я испытываю к тебе, слишком тесно внутри – оно переполняет меня без остатка. Так тесно, что порой я не могу дышать и просто плачу.

Поверьте, я бы никогда не решилась признаться, но молчать больше не могу. Если бы я говорила все это вслух, то просто умерла от стыда, но этому листу бумаги и тебе я могу доверить свое самое сокровенное. То, что не в силах сказать словами.

Итан, ты – самый чудесный, мужественный, замечательный человек, которого я знаю. Самый добрый, мудрый и благородный! Я люблю тебя давно. Люблю огромной и светлой любовью и всей своей душой. Ты – именно тот, кого я ждала все эти годы. Ты – мой человек, единственный мужчина, который способен сделать меня счастливой!

Я не прошу ответа или взаимности... Просто хочу, чтобы ты знал, что есть на свете девушка, которая тебя любит и будет любить всегда, что бы ни случилось.

твоя Моника Калдер.

Поставив точку в конце предложения, я отложила ручку и поскорее свернула плотный лист, даже не перечитав написанное. Отправив письмо в заранее подготовленный конверт, поспешила его запечатать, по старинке лизнув треугольный край.

На языке остался сладковатый привкус состава для склеивания, но зато дело было сделано! Зная свою нерешительность – возмись я перечитывать, обязательно взялась что-то исправить и переписать сто сорок раз.

А это привело бы к новым терзаниям! Нет, я решила! Я должна ему признаться – и будь, что будет!

Я действительно больше не могу молчать...

– Никки! Эй, ты здесь? Есть в этом мрачном подземелье кто живой?

Вот Фелиция всегда так! Называет архив, в котором я работаю, всякими нехорошими словами вроде «царства мертвых», «страной теней» и даже непонятным «владениями Гадеса». Кто такой Гадес – я понятия не имею, все хочу спросить – просветиться, но каждый раз забываю. Впрочем, судя по ее тону, это довольно-таки мрачный персонаж.

Ну да, в архиве Главного Полицейского Управления Предьяла с первого взгляда не особо весело. Это огромное подвальное помещение с очень низкими потолками и слабо мерцающими зелеными лампами. Окон у меня в архиве нет, зато есть бесконечные ряды стеллажей, уставленных специальными контейнерами, в которых хранится вся документация, отправляемая в архив. Я зорко слежу за тем, чтобы все это содержалось в предельной аккуратности и протираю с каталогов пыль по два, а иногда и три раза на день!

– Вот она где! На рабочем месте, как и всегда! Ну, кто бы сомневался! Зарылась, как мышка, в своем подвале, и света белого не видишь!

Фелиция Виклер стремительно появилась из-за стеллажей во всем великолепии своих роскошных темных кудряшек, вьющихся мелким бесом, яркого чистого лица с широкой белозубой улыбкой, обтягивающей черной юбки-карандаш и стильной шелковой блузки пудрового цвета, который, как она говорила, был самым модным в этом сезоне.

Фели так же, как и я, не входит в личный состав (и форма ей, как и мне, не положена), подвизаясь на самой что ни на есть прозаичной должности бухгалтера. Зато, в отличие от меня, подруга всегда в курсе самых свежих новостей, сплетен, всего самого интересного и зачастую скандального. Может быть, это потому, что бухгалтерия находится далеко не в подвале?

Но за свой повал я обиделась, мне в нем было комфортно и даже уютно – никто не трогал меня, и я не трогала никого. Сама себе удивляюсь, как при таком-то характере я задумала пойти на такой шаг!

– И что же происходит там, на белом свете? – рассеянно переспросила я – откровенно говоря, мне сейчас было вообще не до этого.

– Новое начальство прибыть изволили, – с усмешкой сообщила Фелиция. – Ты еще скажи, не в курсе, что Дрезднер с сегодняшнего дня на пенсии!

Я была в курсе – наш, сейчас уже бывший, комиссар Клаус Дрезднер в последнее время выглядел совсем уж стареньким и больным и, казалось, считал не то, что дни, часы до ухода на заслуженный отдых. Он был старым даже по меркам вампиров – около ста двадцати тысяч лет или вроде того.

– Ну, вместо него же назначили комиссара Леандера Шенка, – проявила осведомленность я, в душе торопя Фелицию поскорее уйти – я была слишком взволнована. – Дрезднер сам его на прошлой неделе и представил. По-моему, он довольно обычный, и никаких кардинальных изменений это за собой не повлечет.

По крайней мере, у меня в архиве -точно...

– Не повлечет, говоришь? – картинно захохотала Фели. – В первый же день! Он сместил твоего ненаглядного Итана Энглера с должности помощника комиссара и назначил своего соб-

ственного! Перевел из другого отделения! И ты в жизни не догадаешься, какие слухи о нем идут... Кастор Трой, Монечка! У нас теперь будет работать сам Кастор Трой!

– Кастор Трой? А кто это? – имя было мне совершенно незнакомым.

– Ну ты даешь, мать! – Фел покачала головой. – Хотя что с тебя взять, ты ж в этом архиве, как на Луне – оторвана от остального мира. Тот самый офицер Трой, по которому стонали все девочки из третьего отделения! Табунами за ним бегали! А он, подонок, их через конвейер – одна, вторая, третья... Мало того, Троя не раз привлекали за превышение полномочий – у него на допросах плачут даже самые отъявленные преступники. Его методы выбивания показаний весьма специфичны и далеки от законных. Не мужик – зверюга!

– Но тогда его должны были отстранить... – рассеянно пробормотала я.

– У офицера очень высокие покровители – ему все нипочем, – повела плечиком Фели. – Пстой-ка! Это же... Никки, ты все-таки решилась ему признаться?

Фелиция наконец-то заметила уголок конверта, который лежал передо мной на столе, и который на протяжении нашего разговора я мужественно прикрывала ладонями. Впрочем, скрывать мне от нее было особо нечего – подруга знала о моих чувствах к помощнику комиссара полицейского управления Итану Энглери. Уже бывшему помощнику, получается...

Если честно, она немного повлияла на то, чтобы я задумала это сумасшедшее предприятие.

Легким и красивым шагом она шагала по жизни. Мужчины часто признавались ей в любви, а она была настолько уверена в себе, что, если ей кто-то нравился, то Фелиция сама проявляла к нему интерес и еще ни разу не была отвергнута.

Конечно, я не Фелиция Виклер с ее твердым убеждением, что весь мир вращается вокруг нее, но мне тоже есть, чем гордиться! Моя бабушка не устает твердить мне и всем окружающим, начиная от ее лечащего врача и заканчивая соседками, что я просто золото!

С отличием окончила Социальное училище по специальности «архивариус», очень аккуратна, чистоплотна, скромна и порядочна... «Не под стать этим размалеванным вертихвосткам», – поджимая губы, добавляла бабуля. «А то какие девочки нынче пошли – магией себе брови подрисуют, губы увеличат, нос подправят – как обезьянки, все на одно лицо! А ты у меня естественная, натуральная – вся в свою матушку, Моня», – приговаривала бабушка, заплетая мои волосы в толстую пепельно-русую косу.

На фотографиях, которые я бережно храню, моя мама действительно настоящая красавица – длиннющие русалочьи волосы до самых бедер, бездонные зеленые глаза, загадочная и грустноватая улыбка. По-моему, мне до ее ослепительной, яркой красоты сто верст пехом... Вряд ли она особо меня хотела – сразу после моего рождения отдала меня своей матери и нашла себе работу, а когда мне исполнилось шесть, вышла замуж, уехала за границу и с тех пор о ней ни слуху ни духу...

Меня воспитывала бабушка, а мама устраивала свое личное счастье – я ее не виню.

– Очуметь! – меж тем воскликнула Фелиция, мягко, но настойчиво утянув у меня конверт. – Розочки, завитушки! Сама рисовала? Так трогательно! Никки, Никки, святые небеса! Неужели у тебя хватит смелости признаться самому красивому офицеру нашего полицейского отделения в любви?

Разумеется, никаких розочек я на конверте не рисовала, но... Выбирала – и этот оказался таким романтичным и нежным. Правда, мне почему-то не понравился тон Фелиции – на мгновение почудилась в нем издевка...

Впрочем, я не обратила на это внимание, ведь новость, которую сообщила Фели буквально перевернула все внутри меня! Итана понизили в должности! Как же так? Наверняка, это стало для него настоящим ударом! Я просто обязана поддержать любимого!

– И как теперь быть с письмом? – пролепетала я, прижимая к себе конверт, который Фелиция соизволила отдать мне. – Наверное, сейчас не время, чтобы признаваться ему...

– Вот сейчас, милая Монечка, как раз-таки и время! – решительно перебила меня Фели. – Считай, это перст судьбы! Знак свыше! Ты так долго мучилась, решалась, и вот сейчас излила свои чувства! Ну так давай, не бойся – отдай Энглеру послание! Он наверняка расстроен тем, что его место занял Кастор Трой, а твое признание утешит его и поддержит! Помнишь, о чем я тебе говорила? Глядеть ему прямо в глаза. Улыбаться. Он смотрел на тебя, я сама видела! Ты нравишься ему, правду тебе говорю, нужно только чуть– чуть поторопить события... Давай-давай, Калдер! Иначе, так и останешься сидеть в своем подвале и перебирать свои пыльные папки! Слышишь меня? Подними свою задницу, Калдер, и отнеси офицеру Энглеру письмо! Посмотришь, что будет!

Наверное, она права. Мне нужно побороть свою всегдашнюю нерешительность, выбраться из замкнутого круга... Кинуться в этот омут с головой!

Как же у меня замирало сердце, когда она рассказывала по своим мужчин, которые с ума по ней сходили! Как хотелось мне испытать нечто, хотя бы отдаленно похожее на эти страсти, которые переживала она! Как хотелось ощутить на своих губах вкус его поцелуя – ведь меня еще ни разу не целовали... Интересно, каково это – когда тебя любят и... хотят?

Что ж, скоро я это узнаю! Вдохновенная пламенными речами Фелиции, я решительно поднялась, но в пылу своей решительности как-то позабыла, что мебель у меня в архиве была давным-давно предназначена на списание.

Моя нога скользнула по ободранной ножке стула, напоролась на занозу и по колготкам поползла жирная стрелка! Да еще и на самом видном месте – на икре!

Это была катастрофа! Толстые колготки марки «Любава» я купила недавно, и эта статья расходов была в моем бюджете на ближайшее время не запланирована. Нет, деньги лежали у меня дома в шкатулочке, но они отложены бабушке на лекарства – я скорее вообще без колготок буду ходить, нежели потрачу их на себя.

И как же я так, ну как же меня угораздило – они же не убиваемые, очень прочные – специально такие покупаю!

От досады я закусила губу. Можно было бы занять денег у Фелиции, но я и так должна ей с прошлого месяца – стыдно опять спрашивать... Что я за недотепа – испортила совсем новую вещь! А зарплата только в конце недели, что же мне до этого времени – с этой отвратительной затяжкой ходить?

– Нет, Фели, не пойду! – поникла я, боясь прикоснуться к стрелке, чтобы она не стала еще больше. – Сама видишь – куда я теперь пойду? Наверное, это плохой знак, к тому же его сместили с должности – вряд ли ему сейчас будет до меня и вообще...

– Подумаешь! – не произвела никакого впечатления моя катастрофа на Фелицию. – У меня запасные есть! Сейчас быстренько в туалете переоденешь – и вперед! Я же тебя знаю, Никки, если ты не сделаешь это сейчас – будешь еще год рефлексировать! Давай уже – пан или пропал!

Я всегда в глубине души мечтала стать такой же уверенной в себе и неотразимой, как Фелиция. Она бы действительно не спасовала перед какой-то там затяжкой на колготках!

Поэтому, собрав остатки своей решимости, я последовала за ней наверх. Вообще-то покидать свой архив я не любила – большое здание из стекла и бетона, наполненное людьми в форме, которые то и дело ходили туда-сюда, напрягало. К тому же сегодня все были как-то по-особенному взволнованы – явно осуждали нового комиссара Шенка и его назначение на должность своего помощника, которое он сделал в первый же день.

Сунув в свою потрепанную сумочку упаковку из плотного картона, на которой красивая девушка, чем-то похожая на Фелицию, демонстрировала свои длинные ноги, я поднялась на четвертый этаж, где был теперь расположен кабинет Итана. И почему этот Шенк поступил с ним так несправедливо?

Да, Фелиция права, права! Мне обязательно нужно отдать ему свое письмо – может быть, это действительно его поддержит. И я смогу его поддержать и утешить в этой непростой ситуации... Может быть, даже в качестве его возлюбленной!

Уже представляя наше с Итаном Энглером светлое будущее, я потянула ручку расположенного на этаже туалета, в котором планировала заменить колготки со стрелкой на новые, как меня окликнули:

– Моника! Моника Калдер! – это была Алоизия, секретарь самого комиссара. – Я набираю в архив, набираю, а тебе уже передали, да? Шенк велел тебя позвать.

– Меня?

От удивления у меня чуть глаза на лоб не полезли. За все время работы в полиции в кабинете высочайшего начальства я была от силы один раз – и то, когда устаивалась на работу.

– Тебя, тебя, Калдер, и давай поживее! Он сказал, это срочно!

Пребывая в полном замешательстве, я пошла за ней. Что комиссару могло от меня понадобиться? Я так тихо– мирно сидела в своем архиве, что, наверное, всемирный потоп бы пересидела.

И Итан... Когда теперь я смогу отдать ему свое письмо?!

Занятая своими мыслями, в дверях приемной я замешкалась и столкнулась с мужчиной в форме. Наглядно я знала почти всех сотрудников отделения, но его видела впервые.

Высокий и достаточно широкий в плечах – полицейская форма сидела на нем, как влитая, хотя первые четыре пуговицы ослепительно-белой рубашки были расстегнуты, и это было не по уставу. Так же явно не по уставу была его стрижка – виски, бока и затылок коротко выбриты, а оставшиеся в верхней области волосы четко зачесаны на прямой пробор. Радужка его карих глаз казалась буроватой, а тонкие губы кривились в усмешку.

«К. Трое» – прочитала я на нашивке на его груди.

Похоже, сам черт дернул меня нарваться на того самого Кастора Троя, про которого рассказывала Фелиция. Который занял место моего любимого Итана. Ощувив неприятный холодок, я подумала, что рассказы подруги, наверное, правдивы. Хотя не знаю, что эти девочки из третьего отделения в нем нашли. По-моему, это был крайне неприятный и опасный тип, вызывающий одно желание – держаться от него подальше. Бабушка говаривала про таких: «по трупам пройдет».

Трой окинул меня заинтересованным взглядом, но, похоже, должного впечатления я не произвела, потому что интерес в его глазах потух, а я в смятении поспешила пройти мимо, уловив запах шипра – лаконичный и жесткий.

Новый комиссар отделения Шенк оказался крепким вампиром с виду лет пятидесяти (а на самом деле, наверное, пятидесяти сотен) – у него был короткий ежик седых волос и открытый взгляд. Деловито поздоровавшись, он предложил мне присесть, и я смущенно опустилась на краешек стула, теряясь в догадках, зачем же он меня вызвал.

– Как я понимаю, мисс Калдер, вы из Знающих о существовании вампирского сообщества, вы человек?

– Моя бабушка Знающая в третьем поколении, – сцепив руки, ответила я – такие вопросы меня всегда напрягали.

– Как давно работаете в архиве?

– Чуть больше года. Я устроилась сюда сразу же, как окончила Социальное училище.

– У вас в аттестате отличные оценки по стенографии. Вы хорошо ей владеете, я прав?

– Достаточно хорошо... – я удивилась, все еще не понимая, к чему он ведет.

– Что ж, вот прекрасно, – широко улыбнулся Шенк. – Потому что я хочу расширить ваши полномочия. Кажется, вы засиделись в своем архиве. Честно говоря, я был крайне удивлен, когда узнал, что в отделении фактически нет стенографиста, который скрупулезно фиксирует все, происходящее на следственных мероприятиях.

– Комиссар Дрезднер разрешал пользоваться аудиозаписью и даже видеосъемкой, – осторожно проговорила я. – У меня в архиве хранятся...

– И это было вопиющим нарушением устава! – перебил новый комиссар. – Вы, наверное, в курсе, что вампирскому сообществу запрещено использовать людскую технику?

На самом деле нет, я не была в курсе и думала, что это само собой разумеется, а стенография почти ушла в прошлое.

– Сегодня у отдела по борьбе с нравственными преступлениями важная операция и вы будете стенографировать. Я надеюсь на вас, мисс Калдер.

В первый момент мне показалось, что я ослышалась.

– У отдела по борьбе с нравственными преступлениями? – заикаясь, переспросила я – то, что сказал Шенк, шокировало меня до глубины души. – Но это же полиция нравов, это же... А я архивный работник – я не могу вот так просто участвовать во всем этом! В том, что они делают...

– Вы и не должны участвовать. От вас требуется только находиться рядом и фиксировать. Я очень сильно надеюсь на вас, мисс Калдер, – с нажимом повторил комиссар. – Мне вас рекомендовали, как очень аккуратную, прилежную, милую и исполнительную девушку – не разочаровывайте меня, пожалуйста. Приступайте прямо сейчас – кардинал Тернер ждет только вас.

На ватных, негнущихся ногах я вышла из кабинета комиссара Шенка. Во всем отделении существовал только один человек, который вызывал у меня крайнюю степень неприятия и страх. И не только у меня, если честно...

Это был начальник отдела по борьбе с моральными преступлениями – кардинал Коул Тернер.

ГЛАВА 2

Женский клуб

Кардинал Коул Тернер... Уже при одном звучании этого имени я ощутила укол в сердце. Его ненавидели и боялись. С ним остерегались связываться даже самые бывалые сотрудники. Встречая его в коридоре, девушки стремились как-то незаметно перейти на другую сторону, а то и вовсе скрыться с его глаз долой – вдруг Его Высокопреосвященство сочтет что-то в их облике неподобающим – например, слишком ярко подведенные глаза, или неуместно короткую длину юбки? Вдруг заподозрит в чем-то неподобающем?

Несмотря на молодой для священнослужителя его сана возраст – тридцать три года, Коул Тернер, возглавляющий отдел по борьбе с нравственными преступлениями, снискал славу очень жесткого и беспринципного служителя церкви и правосудия. Он пользовался огромнейшим влиянием в вампирском обществе, сравнимым, пожалуй, с влиянием недавно избранного князя Константина Леоне, а, возможно, даже превосходил его по авторитету.

Будучи чистокровным вампиром, давным-давно он дал обет полного отказа от живой крови в пользу синтетической, которую давным-давно сгенерировали вампирские ученые в Центральной биохимической лаборатории. Своим примером он давал понять, что не относит себя к вампирской элите, а близок к простому классу, который его просто боготворил, чтобы он не сделал.

Шепотом из уст в уста передавалась жутковатая история – несколько десятков лет назад в его отдел, состоящий исключительно из мужчин, попала девушка. «Очень хрупкая и нежная, ну просто тонкий стебелёчек» – делая большие глаза, рассказывала Фелиция, которая, как всегда, была в курсе, – «Так вот, у Его Высокопреосвященства к этому цветочку было очень трогательное отношение. Особенное, как поговаривают злые языки. До тех пор, пока не выяснилось, что эта пармская фиалка по ночам подрабатывала в стриптизе. Кто-то ему ее явно сдал

– примчался, значит, наш преподобный в клуб, а она там сиськами перед мужиками трясет, и из трусов банкноты сыпятся. Рассказывают, она в ногах у него валялась, на коленях за ним ползала – простить просила. Куда там – он этот клуб по кирпичику разнес. И с тех самых пор просто озверел. И полиция нравов и превратилась в то, чем является сейчас – карательный орган, против мощи и авторитета которого не может пойти даже сиятельный князь Леоне».

Иногда Фели не боялась говорить действительно запретные вещи – я чувствовала, как холодок ползет у меня по спине от ее рассказа. Ведь я знала, что случилось с той девушкой – ее обвинили в растлении общества и устроили показательную казнь. Кардинал Коул Тернер лично наблюдал за введением смертельной инъекции.

Впрочем, мужчины тоже его побаивались. Пару недель назад по обвинению Его Высокопреосвященства одного мужчину лишили кисти руки за то, что изменял своей жене. И это он еще легко отделался – девушке, с которой он изменял, выкололи правый глаз.

Все еще до конца не веря, что это происходит со мной, и я действительно из своего хорошего уютенького архива с его милыми моему сердцу папочками переместилась в какую-то непонятную и пугающую атмосферу, я опустила на заднее сиденье черного «БМВ».

Помимо меня и водителя, здесь находилось еще двое мужчин, не обративших на меня никакого внимания. Ни жива ни мертва, я только спустя пару мгновений осознала, что сижу рядом с самым кардиналом, Его Высокопреосвященством, Коулом Тернером.

Это осознание настолько потрясло весь мой организм, что я выронила выданный мне планшет для стенографии, который очень крепко прижимала к себе. Он завалился куда-то под переднее сиденье – покраснев от своей неловкости, я полезла его доставать и, не рассчитав тесное пространство машины, ткнулась лицом кардиналу прямо в колени.

– Извините, – пискнула, багровея от стыда.

Коул Тернер бросил на меня мимолетный взгляд, и ничего не ответил. Так смотрят на бестолковую маленькую собачонку, которая во время прогулки выскакивает на вас из-за кустов, а хозяин отчаянно тянет ее за поводок, бормоча извинения.

В отличие от Его Высокопреосвященства, мужчина с переднего сиденья не преминул прокомментировать с досадой:

– Совсем Шенк рехнулся – какая стенография, к чертям собачьим – двадцать первый век на дворе! Подсунул эту...

– Не имеет значения, – сдержанно перебил Тернер, даже не взглянув на меня – он действительно воспринимал меня, как пустое место.

Я забилась в угол сиденья, пытаюсь успокоиться и взять себя в руки. В конце концов, я такой же сотрудник полиции, как и они... Да кого я обманываю? Я – всего лишь работница архива, а это очень высокие церковные и полицейские чины, и я рядом с ними, что мелкая сошка.

Мне было крайне некомфортно, я должна была записывать их разговор – (меня же для этого сюда посадили?!), а планшетка так и осталась валяться под сиденьем, я боялась, что с непривычки не вспомню шифр и ошибусь, в сумочке лежало письмо, которое я собиралась отдать Итану, но не отдала, в довершение всех бед, пообедать я сегодня так и не успела. В животе громко урчало и, сгибаясь в три погибели от стыда, я понимала, что сидящий рядом со мной Коул Тернер слышит эти звуки, которые казались мне крайне позорными и непристойными.

Хотя едва ли Его Высокопреосвященство обращал на меня внимание. Я впервые видела кардинала настолько близко, и поразила тому, насколько бесстрастным выглядит кардинал.

Он носил такую же форму, как и остальные сотрудники его отдела – двубортный черный китель с воротником стойкой без нашивок и шевронов. Впрочем, то, что это высокое начальство, было ясно сразу – и для этого не нужны были знаки отличия на форме. Украдкой взгля-

нув на четкий, чеканный профиль Тернера, я тут же отвела взгляд, уткнувшись в окно и гадая, куда мы едем.

Вскоре стало ясно, что «БМВ» направляется в – Амнтон один из самых престижных и фешенебельных районов Предьяла. Я здесь никогда не бывала, поэтому с удивлением разглядывала шикарные белые и кремовые дома с лепниной, роскошные скверы и сады.

Около одного из таких особняков остановился автомобиль, а следом за ним черный фургон без каких либо знаков отличия, из которого появились суровые мужчины в такой же, что и у кардинала, униформе. Нравственники.

Я нашарила под сиденьем планшетку и карандаш, и поспешила вслед за Тернером и его спутником, то и дело оглядываясь по сторонам. Преддомовая территория с аккуратно подстриженными лужайками, вычурной ковкой, скамейками и ажурными фонарями напоминала что-то из сериалов про богатую заграничную жизнь, которые так любила смотреть бабушка. Да чего уж там, тут даже фонтан перед входом был, что окончательно поразило мое воображение.

Но, несмотря на весь их достаток, который мне и не снился, я заранее сочувствовала живущим тут людям – полиция нравов во главе с самим кардиналом на пороге дома не сулила им ничего хорошего.

Дверь полицейским открыла статная, немного полноватая дама лет сорока пяти – ее светлые волосы были уложены в элегантную прическу, а строгий костюм сдержанного винного цвета был пошит у эксклюзивного портного, а не куплен в магазине.

– Ваше Высокопреосвященство! – воскликнула дама с таким видом, словно не было счастья для нее большего, чем лицезреть кардинала. – Какая честь для нас! Чем обязаны визиту столь высокой и уважаемой особы?

В ответ на ее душевность Коул Тернер не повел и бровью.

– Эдна Диофант, вы обвиняетесь в преступлениях против общественной нравственности, а именно в организации занятия проституцией другими лицами, содержание притона для занятия проституцией и систематическое предоставление помещения для занятия проституцией, – голос Коула Тернера был холоден, как лед.

Я машинально застенографировала сказанное кардиналом, не сразу поняв смысл услышанного, но когда до меня дошло, рука дрогнула. Отодвинув женщину в сторону, как будто это была картонная кукла, он ступил в гостиную. Чтобы не пропустить ни единого слова, пришлось протиснуться и мне...

– О чем вы таком говорите, Ваше Высокопреосвященство? – хозяйка дома, казалось, была в полном недоумении, если не сказать в ужасе. – Я бы в жизни не посмела пойти на подобное. Ну, право слово, кардинал, как можно? Да, я принимаю у себя девочек, но у нас исключительно клуб по интересам! Мы изучаем Священное Писание, Семейный Кодекс и различную художественную литературу, а так же обмениваемся женской энергией. Полагаю, это не запрещено, преподобный?

Кажется, не слушая ее праведных речей, Коул Тернер двинулся по коридору вперед, а следом за ним, оставляя грязь от ботинок на безупречно чистых коврах, единым маршем шагали остальные служители полиции.

Особняк был обставлен со сдержанной роскошью, даже лучше, чем в бабушкиных мыльных операх – высокие потолки, колонны с лепниной, дубовый паркет, декоративные зеркальные панно, обои с оригинальным сливовым декором, бархат, кожа, дорогое дерево...

Я старалась держать рот закрытым, но это было очень сложно, особенно когда увидела в одной из комнат антикварный комод позапрошлого столетия и, не удержавшись, провела пальцами по гладкой поверхности, впитавшей дух времени. Правда, быстро вспомнив, зачем я здесь, поспешила за кардиналом.

Тернер был в фойе, где, судя по всему, действительно проходило собрание какого-то женского клуба, так как здесь находились десять-пятнадцать девушек, рассевшиеся кружком.

Одна из них играла на фортепьяно, но при появлении мужчин музыка прервалась, и все взгляды обратились к ним. Две девушки оторвались от игры в шахматы, а их соседка – от спиц, она вязала шарф. Кто-то вышивал на пальцах, кто-то плел из бисера, а у одной девушки я углядела томик стихов Байрона, которого я просто обожала.

Может быть, кардинал ошибся?

– Вы как раз к вечернему чаю, мальчики, – с улыбкой проговорила хозяйка особняка. – Милли (она ласково кивнула девушке с длинными рыжими волосами) как раз сегодня решила порадовать нас имбирным печеньем – уверена, на вас тоже хватит. Перед трапезой вы могли бы прочесть нам молитву, Ваше Высокопреосвященство.

Поначалу я решила, что кардинал дал маху, и сейчас будет смущенно извиняться, что обвинил эту добрую женщину в таком ужасном деянии. Но потом поняла, что такое в принципе невозможно – Коул Тернер не ошибается. А потом я обратила внимание на лица и одежду девушек – они были какими-то... слишком ярко окрашенными, а простые, подчеркнуто-скромные платья некоторых лишь выгодно подчеркивали достоинства фигуры.

Святые небеса, неужели это действительно... бордель? Неужели все эти обычные с виду девушки спят с мужчинами за деньги?

Я уткнулась в свою планшетку, выводя на ней крючки, завитушки, прямые и волнистые черточки, обозначающие буквы, и не смея даже взглянуть в их сторону.

– Ты совершаешь ошибку, Диофант, – сказал Тернер сквозь зубы. – Но у тебя еще есть шанс одуматься – если прямо сейчас покаешься в своих грехах!

– Ваше Высокопреосвященство, я регулярно бываю в церкви, исповедуюсь и причащаюсь, стараюсь заниматься богоугодными делами, жертвую четверть своего заработка с этого пансиона на благотворительность, пользуюсь уважением у многих почтенных лиц города, включая самого светлейшего князя Леоне. Право слово, с вашей стороны оскорбительно обвинять меня в таких отвратительных вещах, – проговорила дама с возмущением, но, похоже, оно было притворным.

Смерив ее тяжелым взглядом, кардинал стремительно пошел по особняку, с холодной яростью распахивая все двери, попадающиеся у него на пути. Не знаю, что он искал – за дверьми находились большие светлые спальни. Везде царил чистота, а постели были заправлены свежим светлым бельем.

Я, правда, не знаю, как должны выглядеть дома терпимости, но по фильмам и книжкам я как-то не так их себе представляла. И все-таки некая неуловимая аура витала здесь. Аура чего-то запретного и неизведанного. Аура секса. И больших денег.

– Так бы сразу и сказали, что хотите снять у нас номер, Ваше Высокопреосвященство, – Диофант закурила длинную тонкую сигарету. – Как служителю закона и церкви я предоставлю вам двойную скидку на люкс.

Вжав голову в плечи, я боялась дышать – у меня даже рука не поднялась зафиксировать это – не знаю, сколько нужно было иметь смелости (или глупости?), чтобы разговаривать с Коулом Тернером в подобном тоне.

Мрачные нравственники вслед за своим начальником, как черные вороны кружили по дому, распахивая дверцы шкафов, перетряхивая личные вещи, белье, одежду, и даже посуду – но придаться им было действительно совершенно не к чему.

Мадам Диофант наблюдала за всем этим с легкой усмешкой, куря одну сигарету за другой. Девушки вернулись к своим занятиям, и пианистка в том числе – обыск проходил под полные лирики и драматизма звуки «Лунной сонаты» Бетховена.

Изо всех сил прижимая к себе планшеточку, я старалась слиться с окружающей мебелью, а еще лучше – оказаться в этот момент далеко отсюда, как вдруг заметила на себе пристальный взгляд хозяйки дома, который явно задержался на колготках.

Похолодев, я вспомнила про стрелку – за всеми этими событиями я так и не переоделась в колготки, которые дала мне Фелиция, и заплела ноги одна за другую. Но было поздно – мадам Диофант явно успела разглядеть дырку.

Что сегодня за день-то такой, святые небеса, и когда же он кончится?

– Давно работаешь у нравственников? – поинтересовалась женщина у меня вдруг, пользуясь тем, что полицейские слишком заняты своим делом.

– Я не у нравственников, я в архиве, просто меня направили... – бестолково попыталась объяснить я и под ее взглядом смолкла.

– Когда-то я тоже носила колготки марки «Любава», – проговорила она, ничуть не смущаясь. – Я их сразу узнаю. Отвратительный цвет, толстые, неприятные к телу и совершенно неэластичные, и эта резинка – слишком тугая и жесткая, как же она давила мне на живот! Зато очень экономичные – просто сносу им не было!

Я протянула «Э-э-э», не зная, как реагировать на подобное откровение. По правде говоря, резинка этих колготок действительно была тугой и неприятной и натирала кожу. К счастью, появление кардинала избавило меня от необходимости продолжать разговор. Похоже, обыск был закончен. И похоже, нравственникам и Тернеру придется уйти отсюда ни с чем.

– Сегодня у меня на тебя ничего нет – это так, Диофант, – проговорил кардинал негромко. – Но я бы на твоём месте не спешил праздновать. Сегодня ты подписала себе смертный приговор. Я все равно достану тебя и докажу, чем ты тут занимаешься, и тебе не поможет даже покровительство Его Сиятельства Константина Леоне. Кто-то предупредил тебя, и, поверь мне, я выясню, кто это был.

И, как будто не желая слышать ответ хозяйки дома и оставаться тут больше ни минуты, Его Высокопреосвященство, ни на кого не глядя, вышел за дверь, а за ним и остальные полицейские.

Я шла последней, и, надо же было такому случиться, зацепилась рукавом пальто за причудливо изогнутую ручку двери.

– Как тебя зовут? – спросила мадам Диофант, помогая мне освободиться.

Ее голос был внимательным, а прикосновение – ласковым.

– Моника...

– Знаешь, ты – очень миленькая девушка, Моника, – проговорила она, наблюдая, как нравственники рассаживаются по машинам. – Я думаю, что ты достойна большего, нежели прислуживать этим женоненавистникам и ходить в дырявых колготках. Не слушай Тернера, он не сможет причинить мне вреда – князь Константин Леоне сильнее его. Я научу тебя всему – ты будешь купаться в роскоши, Моника. Ты заслуживаешь этого. Подумай над моими словами. Просто подумай, детка.

В ее наманикюренных пальцах, униженных перстнями, возникла визитка. А потом, я и ахнуть не успела, как маленький фиолетовый прямоугольник исчез в моей сумочке – она сама без зазрения совести сунула его туда.

На негнущихся ногах я подошла к «БМВ». Никто из нравственников на эту маленькую заминку внимания не обратил.

ГЛАВА 3

Маленькая услуга

– Ясочка моя, ты сегодня что-то припозднилась! И куда эти преподаватели только смотрят в этом твоём училище? Совсем заморили мою деточку! А ну-ка, мой руки и бегом за стол! Голодная, небось!

Я открыла было рот, чтобы в сотый раз объяснить бабушке, что я давно отучилась и уже работаю, и не где-нибудь там, а в полицейском отделении, но поняла, что сегодняшние события не оставили мне на это сил. Вообще-то у нее бывают моменты просветления, когда она кажется абсолютно адекватной, рассуждая на удивление трезво, а подчас давая очень разумные советы и потрясая остроумно шутя, но, видимо, сегодня был не такой день. Вместо ответа я чмокнула бабушку в щеку и отправилась в ванную.

По крайней мере, я дома! Обожаю нашу квартирку – маленький мирок, где так тепло и уютно. И пусть здесь давно не было ремонта, зато она находится в старинном доме почти в центре Предьяла, а в моей комнате есть выход на крышу с изумительным видом на город.

Вот и сейчас – поужинаю, а потом вытащу на крышу стул, завернусь в плед и стану смотреть на миллион мерцающих в темноте огней. Пожалуй, меня сейчас успокоит только это...

Я целый день ничего не ела, но чувствовала, что не в силах проглотить ни кусочка – просто не в том состоянии была. Вот только я скорее прыгну в ров, полный голодных аллигаторов, чем обижу свою бабулю.

На крошечной кухоньке аппетитно пахло бабушкиными фирменными котлетами. Она в фарш тертые крабовые палочки добавляет – дешево и сердито, и котлетки получаются – просто объеденье, необыкновенно сочные и нежные.

Я обожала бабушкину стряпню, и в другой раз бы смела штуки три разом, да еще и, прихлебывая клюквенным морсом и запотевшего стакана, который она поставила передо мной. Но сейчас впихивала их в себя с трудом.

– Что сегодня на занятиях было? А то я целый день с телевизором, да с телевизором. Хоть тебя послушаю, Моня, – подслеповато шурясь, ба села напротив меня, то и дело трогая край белого передника, вышитого крупными красными розами. – Ты расскажи, расскажи мне все, ягодка моя.

– Бабуль, ну ты что? Я ж давно работаю – в полицейском участке. С документами там, с архивом... – терпеливо проговорила я, дожевывая котлету и наконец-то начиная ощущать ее нежный вкус.

– Ох, грехи мои тяжкие! – она хлопнула себя по лбу. – Опять запомнила! Ты прости меня, Монечка, прости, дуру старую! Видишь, вот на старости лет что-то с памятью стало... Ну да ничего, ничего...

– Что за глупости, бабуль? – я обняла бабушку, как в детстве уткнувшись носом в теплую пушистую кофту. – А память твою мы подлечим – я говорила с врачом. Решу кое-какие вопросы, и отправим тебя в санаторий! Самый лучший, между прочим! Условия – как на дорожном курорте!

– Знаю я, какие вопросы ты хочешь решить. Санаторий денег стоит, и больших. Все копишь, копишь – а сама вон ходишь в одном и том же платишке, – с неожиданной пронзительностью сказала бабушка и поджала губы. – Но я тебе вот что скажу – ты, милая, эти денежки на себя потрать. А мне теперь эти санатории да врачи не нужны будут!

– Почему это? – машинально поинтересовалась я, не чувствуя никакого подвоха..

– Потому что! – бабуля торжественно поставила передо мной на стол небольшую картонную коробку. – Не хотела тебе рассказывать, ты ведь меня ругать будешь! Ну да у меня от моей внученьки драгоценной секретов нет! У меня теперь такой чудо-аппарат есть – уж мы теперь с тобой заживем!

– Какой... чудо-аппарат? – похолодела я. – Откуда он?

– Да сегодня к нам заходили двое таких милых молодых людей. Очень вежливые, симпатичные и обходительные, – радостно пояснила бабушка. – За сущие копейки этот аппарат продавали, а он, Монечка, волшебный просто! Последняя разработка ученых! Память улучшает только так, да и общее состояние тоже!

Святые небеса, только не это, нет! Дрожащими руками я достала из коробки какой-то прибор, представляющий из себя два электрода, которые, я так понимаю, нужно было прилеплять ко лбу. Проводками они были подключены к маленькой пластмассовой коробочке, на которой был один-единственный переключатель с двумя делениями – «ВКЛ-ВЫКЛ». К приборчику прилагалась кратенькая инструкция, распечатанная на листе А4, причем в принтере явно заканчивалась краска.

– Сколько ты за него отдала, бабуль? – с упавшим сердцем спросила я.

– Да всего пятьсот лей – не бог весть, какие деньги! Мы с тобой на моих врачей больше тратим!

Я подавила вздох облегчения – конечно, жалко пятьсот лей за эту непонятную самоделку, еще жалче мою доверчивую бабулю, которую без зазрения совести обманули два проходимца, но, пожалуй, это мы еще легко отделались! Люди вон на такие вещи по сто тысяч спускали!

– Да вот, сама погляди, – бабушка между тем протянула мне какие-то бумаги. – Они и чеки мне выдали, сами расписались, и я подписала, так что все по-честному.

В глаза мне бросилось: «ДОГОВОР ДАРЕНИЯ КВАРТИРЫ», а потом все вокруг застила багровая пелена. В горле запершило, и я никак не могла вдохнуть полной грудью, а страшные строчки прыгали перед глазами.

Я, Алейна Калдер, безвозмездно отдаю в дар Александру Бренту принадлежащую мне по праву собственности квартиру... Кадастровый номер объекта... Даритель гарантирует, что заключает настоящий договор был заключен им не в следствие стечения тяжелых обстоятельств, находясь в крайне невыгодных для себя условиях...

О боже, боже...

– Ясочка, что с тобой? Ты что-то сошла с лица... – встревожилась бабуля и быстро забормотала. – Уж не ругай меня, милая. Неудобно мне, что ты денег столько на меня тратишь, а так хоть, может, выкроишь себе на туфельки или на пальто новое...

– Все нормально, бабуль, – я осторожно сжала ее морщинистую узловатую руку, сглазывая тугой соленый ком. – Все хорошо. Только этой штукой тебе все-таки пользоваться не стоит. Мало ли что...

– Как скажешь, ясочка, как скажешь!

Ни о каком уютном кресле и пледе речи уже не шло. Я нервно расхаживала по крыше, пытаюсь дозвониться до одного знакомого по работе юриста. Не настолько знакомого, чтобы я могла так запросто звонить ему, но в данный момент мне было не до своего обычного стеснения. Он находился в командировке, но, все-таки, после продолжительных гудков взял трубку.

– В принципе, доказать факт мошенничества можно, – обнадежил меня мужчина, когда я кратко обрисовала ситуацию. – У бабушки нет инвалидности? Возможно, если оттолкнемся от того, чтобы де факто признать ее недееспособной... Вообще, все зависит от самого договора – смотря как он составлен. Сфотографируй дарственную и отправь мне. Перезвонишь примерно через полчаса. Я посмотрю, что можно сделать...

Я не знала, как выдержать оставшиеся до истечения времени десять минут, усевшись прямо на холодные жестяные листы и спрятав лицо в ладонях, когда юрист перезвонил сам.

– Прости, Никки, но тут без вариантов. Мне очень жаль... – сразу же сказал он. – Договор составлен на удивление грамотно, просто какой-то злой юридический гений прописывал это, плюс все заверили нотариально. Ни единой лазейки, просто не к чему прикопаться. Твоя с бабушкой квартира официально принадлежит некоему Александру Бренту. Точка. А он, скорее всего, уже выставил ее на продажу. Можешь паковать чемоданы.

– Но как же... – я кусала губы, чтобы не разрыдаться прямо в трубку. – Как же так? Неужели ничего нельзя сделать? Совсем ничего? Может, написать на этого Брента заявление?

– Не трать время – бесполезно, – судя по голосу, юрист покачал головой. – Лучше послушай меня внимательно, Никки. Это люди без чести и без совести, но все-таки... попытайся договориться с ними. Дави на жалость – это твой единственный шанс.

Поблагодарив знакомого, я отключилась и... разрыдалась в голос. Сегодняшний день – это какой-то страшный сон. Все так хорошо начиналось, я собиралась признаться Итану в своих чувствах, но затем... До сих пор помню это ужасное чувство униженности, которое я испытала рядом с Коулом Тернером.

Могла ли я подумать, что это лишь цветочки по сравнению с тем, что ждет меня дома? Теперь мы с бабушкой действительно превратимся в пустое место. Нам просто некуда идти! А в нашей такой родной и любимой квартире так запросто поселятся чужие люди...

Слезы текли и текли по щекам – просто невысказанно, невозможно! Я же говорила бабуле, чтобы не открывала дверь посторонним! Мне казалось, она меня слышит и понимает... Да и врач говорил, что, несмотря на некоторые отклонения от нормы, моя бабушка вполне дееспособна.

На проклятой картонной коробке, которую я приволокла на крышу, подальше от бабушки, была изображена счастливая и бодрая старушка, пользующуюся прибором. Там же было написано название «ВАЛЬТДИР-1» и телефон.

Я подумала, что номер окажется заблокирован, однако, к моему огромному удивлению, мне ответил приятный мужской голос. Такой тембр называют «бархатным».

– Здравствуйте. Вы сегодня продали моей бабушке ваш... Вальтдир-1 и... – я запнулась, понимая, что сейчас опять заплачу. – И она подписала дарственную на передачу нашей квартиры вам...

– На самом деле, этот прибор стоит намного больше, нежели какая-то там квартира, – отозвался мужчина, хихикнув. – Ты внучка, я так понимаю? Дома? Я сейчас подъеду.

Этого я тоже никак не ожидала, а потому у меня забрезжила крошечная надежда, что это – недоразумение и все сейчас выяснится.

Александр Brent (а это, как я полагаю, был именно он), подъехал минут через пятнадцать – видимо, был неподалеку. Это был мужчина лет под шестьдесят, очень располагающей наружности. Что было, наверное, понятно – а как еще втираться в доверие к пожилым людям?

Конечно, садиться к нему в машину было попросту неразумно, но у меня выдался настолько плохой день, что чувство самосохранения отказало мне. Сейчас заблокирует двери, отвезет в ближайший лес и... Может, оно и к лучшему, только вот кто, кроме меня, позаботится о бабушке?

Нет, я должна взять себя в руки. Должна попытаться сделать хоть что-то! Вместо этого я заплакала – тихо и горько. Все пламенные речи и обвинения просто выветрились у меня из головы.

Этот человек так запросто отнял у нас жилье, а я даже не могла на него накричать.

– Вообще, это не в моих правилах, но если заплатишь полную стоимость – она твоя.

– Полную стоимость чего?

– Полную стоимость квартиры, – отозвался Brent со смешком. – Дом хоть и старый, зато в центре города. Гильдия риэлторов оценила ее в двадцать пять миллионов лей.

От такой суммы у меня глаза на лоб полезли. Она была просто астрономической. Я даже не предполагала, что наше с бабулей жилье столько стоит!

– У меня нет таких денег, – я выдохнула. – И никогда не будет. Пожалуйста, нам с бабушкой совсем некуда идти...

– Значит, ты сама виновата, что оставляла свою старушку без присмотра – надо было нанять сиделку или отправить в пансионат для престарелых, – пожал плечами этот наглец. – Если бы этого не сделали мы, вас бы обработал кто-то другой.

– Пожалуйста, – повторила я дрожащими губами, понимая, насколько это глупо и наивно. – Верните нам нашу квартиру... Пожалейте – нам с бабушкой некуда идти...

Но мошенник молчал, и меня охватило жуткое, всепоглощающее отчаянье. Зачем он тогда вообще захотел встретиться со мной? Чтобы вдобавок поиздеваться? Порадоваться чужому горю?

– Твоя старушка упоминала, что ты работаешь в полиции, – внезапно сказал Brent. – В архиве.

Я кивнула, удивившись тому, что бабуля не напутала. По идее, это могло бы и отпугнуть мошенников, но, похоже, им все было нипочем. Да, кто я такая, чтобы отпугнуть их? Никто. Пустое место...

– Возможно, мы с тобой сможем порешать наши... вопросы, – продолжал мужчина. – Я скошу тебе большую часть суммы, остальное сможешь выплатить частями в течение следующего года, если окажешь мне маленькую услугу. Для тебя это раз плюнуть, красавица. Вообще-то я законопослушный гражданин и в глазах полиции абсолютно чист. Но, вот беда, единственный сынок подкачал. Он учится на последней ступени в Академии Вампиров, и немного того, набуянил... Был привод, завели дело, скорее всего, будет административка. Испортят парню жизнь перед самым выпуском. И будет очень кстати, если папочка с его делом просто возьмет и исчезнет. Пока суд да дело, глядишь, и позабудется, уляжется все...

Какой любящий отец! Не хочет портить жизнь своему сыну, но зато с легкостью проделал это с нами и с другими семьями. С другими беспомощными стариками, которые просто не понимают, что за бумаги он им подсовывает на подпись. Внутри все горело от возмущения.

– Вы с ума сошли? – в ужасе воскликнула я. – Выкрасть дело у офицера полиции? Это же преступление! Я никогда на такое не пойду!

– Ну, мое дело – предложить, – пожал плечами Brent. – Я поищу кого-то более сговорчивого, хотя подумал, ты обрадуешься. Что там какая-то тонюсенькая папка по сравнению с тем, что ты вместе со своей любимой бабусей окажешься на улице? Кажется, ты совсем ее не любишь... А она-то говорила, у нее такая хорошая внучка. Я понимаю, что сейчас ты слегка не в себе, и не можешь трезво оценить ситуацию, поэтому можешь подумать неделю. Я позвоню в следующую субботу. Офицер Итан Энглер – запомни это имя. Дело моего сына ведет он.

Итан Энглер? Запомнить это имя? О господи...

Поднявшись в квартиру, которая уже официально не принадлежала нам с бабушкой, я прямо в пальто опустила на свою кровать и схватилась за голову.

Сон, сон, сон, какой-то страшный сон... В одиночестве моя жизнь круто изменилась, я была потеряна, раздавлена и я не знала, что делать дальше.

Итан. Мой любимый Итан...

Какая же жестокая ирония судьбы – я должна выкрасть дело из личного сейфа мужчины, которому хотела признаться в любви. Должна буду обмануть его... Кем я себя после этого буду чувствовать? Как буду жить дальше?

Из сумки торчал краешек катонной упаковки, и я вытащила коробочку с колготками, которые мне дала Фелиция. «Моншелье» – очень дорогая марка. Они были невесомыми, шелковистыми и очень тоненькими, как паутинка, сплетенная волшебным паучком. И резинка очень мягкая, эластичная... С «Любовой» не сравнится, конечно. Я не могла себе позволить такую красоту... И теперь вряд ли когда-то смогу...

На ковре блеснул фиолетовым прямоугольником визитки – кажется, она выпала вместе с колготками, а я и не заметила. Я хотела поднять, но одернула руку, как от ядовитой змеи, боясь даже разглядывать, что там было написано и изображено.

Ногой затолкала визитку под кровать и легла, поджав коленки.

Я не пойду на это. Ни за что и никогда. Я солгу, украду, убью, но я никогда в жизни не буду продавать свое тело за деньги!

ГЛАВА 4

Превышающий полномочия

Раздираемая отчаянием и плохими думами, я ворочалась всю ночь, и смогла уснуть лишь после того, как в одной ночной рубашке выбралась на крышу, и постояла на холоде, хоть как-то приведя в порядок свои разрозненные, неутешительные мысли.

Было странно, если бы я при всем этом на следующее утро не проспала! Переведя отчаянно трезвонящий будильник на десять минут вперед, позже я осознала, что сделала это только в своей голове. Разбудила меня бабушка, которая тихонько заглянув в мою комнату, негромко позвала:

– Моня, никак у тебя выходной сегодня?

– Что? – я с трудом продрала глаза на будильник, и в панике завопила. – Святые небеса, конечно, нет!

Опоздала я сильно, на целых полтора часа, чего ни разу не случилось за все время моей работы в полицейском отделении. На бегу поздоровалась с Эймсом – охранником на вахте, с которым мы приятельствовали. Но, не успев добраться до своего любимого архива, была тут же отловлена Алоизией, которая сообщила, что я уже полчаса как должна стенографировать важный допрос. А, ну и еще, что недовольный Шенк и офицер, который этот самый допрос проводят, ждут меня с восьми утра и, скорее всего, комиссар из зарплаты за опоздание вычтет.

Я искренне надеялась, что вчерашним рейдом полиции нравов, к которому так нелепо прилепилась я, расширение моих полномочий и ограничится, но, очевидно, у начальника полицейского отделения были на меня определенные планы.

Не снимая пальто, помчалась в комнату для допросов. Чувствовала я себя крайне неуютно, потому что меня просто вырывали из зоны комфорта и заставляли делать то, что мне не нравится. Вернее, стенографировать-то мне нравилось, не нравилось, что из-за этого я должна буду присутствовать в непривычной обстановке с незнакомыми мне людьми. Враждебными людьми, подумалось, когда я вспомнила вчерашний день.

Осторожно постучав в дверь, вошла, надеясь проскользнуть тихой мышкой и затаиться себе в каком-нибудь уголке. Если повезет, мне даже не надо будет объяснять причину своего появления – просто покажу ведущему допрос офицеру планшетку и, потихонечку, на самый дальний стульчик...

Это была комната без окон – по коленкору потолок тут не отличался от стен, а стены – от пола. Единственным источником света наверху была очень яркая лампа прямо над столом, остальное пространство под потолком было погружено во мрак. При этом комната не производила впечатления мало освещенной – на уровне пола по всему периметру была пущена широкая светодиодная лента.

Оказавшись на пороге, я так и замерла, глубоко шокированная увиденным.

Вновь назначенный помощник комиссара Кастор Трой – вот, кто проводил допрос. Он стоял, поставив ногу в черном берце на стул и поигрывая большой пластиковой бутылкой, наполненной водой. Рукава форменной рубашки с шевроном на плече были закатаны, три верхние пуговицы расстегнуты, а на белоснежной ткани темнели пятна пота.

В целом, офицер Трой выглядел как человек, только что с удовольствием потрудившийся физически и от всех сил. Раззудись плечо, размахнись рука – что-то из этой оперы.

Это выражение в моей голове прочно ассоциировалось с какими-то тяжелыми сельскохозяйственными работами, но здесь эта ассоциация явно была неуместна.

На другом конце стола, прямо напротив Троя сидел на стуле худой сутулый мужчина с нездоровым блеском в глазах. Безликое лицо его напоминало сморчок. Согнувшись в три

погибели, он изо всех сил держался за то место, где у людей находится печень. Допрашиваемый в принципе выглядел, как человек из пластилина, которого сначала изо всех сил смяли, а затем распрямили, но не особо аккуратно.

Я машинально сделала шаг назад, с трудом подавив в себе желание бежать отсюда подальше.

– Меня комиссар Шенк прислал, – мяукнула, осознавая, насколько жалко звучит мой голос. – Стенографировать...

Посмотрев в мою сторону, Кастор Трой не сказал ровным счетом ничего, и я сделала вывод, что мне можно пройти. Это я и сделала, подперев стеночку в уголочке и изо всех сил стараясь с этой стеночкой слиться.

– Так я что-то не понял, мистер Джилсон, вы у нас в итоге вину свою признаете, или все так же не очень? – ослабившись, поинтересовался Трой, и, открутив крышку бутылки, как будто напоказ сделал несколько глотков воды.

– Да, я признаю, – монотонно пробубнил мужичонка, избегая смотреть на полицейского, и мое сердце сжалось от жалости – он явно был до смерти напуган. – Вину свою полностью признаю, раскаиваюсь и готов сотрудничать со следствием.

– Пиши чистосердечное, – негромко велел Трой, и от его голоса у меня по спине поползли мурашки.

Мужчина схватился за лист бумаги и ручку, как утопающий за спасательный круг. Руки его заметно дрожали.

Неужели это правда? Неужели то, что я воспринимала просто, как страшную байку, действительно имеет место быть? Неужели помощник самого комиссара и правда избил подозреваемого пластиковой бутылкой с водой, удары которой не оставляют следов.

Покончив с Джилсоном, которого увели, и который к этому моменту, кажется, готов был признаться в чем угодно, офицер Трой сказал в пространство:

– Принеси мне чистую рубашку.

Ничуть не стесняясь, он аккуратно расстегивал пуговицы на манжетах.

– Что? – одними губами прошептала я, не понимая, что происходит и почему он отдает мне приказ, как своей прислуге. – Я... я должна стенографировать. Я...

– Я что-то непонятное сказал? – кажется, искренне удивившись, что у меня есть способность говорить, Кастор Трой шагнул ко мне.

Полы его рубашки разошлись, обнажив гладкую рельефную грудь и четко очерченный пресс. Вжавшись в стенку, я ощутила уже знакомый чувственный запах шипра: чистота и свежесть мешалась с горьковатыми землистыми нотами.

– Вы... вы не должны посылать меня за вашими... личными нуждами. Это не по уставу, – отводя взгляд, сказала я, заикаясь, хотя это словно говорила не я, а кто-то, кто хотел моей смерти. – И у меня есть все основания полагать, что вы... вы превысили свои полномочия при допросе этого человека.

– Превысил полномочия? Да что ты говоришь, цыплёночек? – с тихой лаской проговорил офицер Трой, подступив вплотную, и вдруг прижал меня к стене. – Может, напишешь на меня рапорт? А хочешь, расскажу, в чем его обвиняют? В изнасиловании. Молодая девушка шла поздно вечером через парк одна. Бедняжка... Ее затащили в кусты и жестоко отодрали – множественные разрывы половых органов, кровотечение... Можешь почитать на досуге результаты экспертизы. Проблема в том, что доказательств слишком мало, чтобы закрыть его. И чистосердечное тут как нельзя кстати. Но благодаря твоему добросердию и заботе его могут отпустить. И старина Джилсон выйдет, уверенный в своей безнаказанности, чтобы в одну прекрасную ночь вернуться в тот парк.

Он был слишком близко – я чувствовала его дыхание и тяжесть его тела, которым меня буквально размазало по стенке. Моя грудь уперлась в его голую грудь – сквозь платье я чувство-

вала, какой он горячий и потный, и его запах – тревожный агрессивный запах – был повсюду, а мое сердце рвалось в грудной клетке, как обезумевшая от страха птичка в кулаке злобного великана.

– А может быть, и не в тот парк... – продолжал Кастор Трой, и от его тяжелого взгляда, этой мучительной близости я чувствовала, как меня начинает легонько потряхивать. – Может быть, это будет парк неподалеку от твоего дома. И, может быть, цыплёночек, однажды ты тоже будешь возвращаться домой поздно. И эта паскуда точно так же, как на ту несчастную жертву, набросится на тебя. И, вполне вероятно, на этот раз ему будет недостаточно просто изнасиловать, и он захочет... убить.

Его вкрадчивый характерный голос звучал и дробился прямо в моей голове, как отражение жуткого чудовища в стенах замка, состоящего из одних зеркал, а затем он с пугающей нежностью положил ладонь на мое горло. Багровая пелена упала сверху, но его голос звучал в зеркальном замке, по мрачным коридорам которого я, подобрав алую шелковую юбку, бежала от кровавого монстра.

Трой отпустил меня, когда перед глазами поплыли темные круги и я, жадно вдыхая воздух, доступ к которому он перекрыл мне почти полностью, сползла по стенке вниз. Ноги просто не держали.

– Но этого, конечно же, не случится – твоя полиция тебя бережет. Ну, ты и сама знаешь, – абсолютно хладнокровно проговорил офицер, отвернувшись, а затем на колени мне полетела его грязная форменная рубашка. – Выстираешь, выгладишь со всей любовью, на которую ты способна, и принесешь мне. Тогда я, так и быть, забуду о существовании одного трогательного маленького зайчонка, которого мама в детстве не научила, когда можно и когда нельзя подавать голос.

И Кастор Трой, не оборачиваясь, вышел за дверь, а я осталась на полу – трястись, как в лихорадке.

Святые небеса, с чудовищем из какой страшной сказки я сейчас столкнулась? Какой черт дернул меня за язык, как будто своих проблем было мало?

Скажите, какая смелая! Да в гробу я буду хвастаться своей смелостью!

О, эти слухи, которые ходят о Касторе Трое... Те, кто судачит о нем, и половины не знают...

Посидев какое-то время на полу, и в ступоре поглазев на противоположную стенку, я решила, что мой любимый архив, куда так редко заглядывает кто-либо, сейчас самое подходящее для меня место.

Оказавшись в коридоре, постаралась принять нормальный и даже независимый вид, и у меня, в принципе, даже получилось, если бы меня не окликнул до боли знакомый голос.

Голос, который преследовал меня во снах, а иногда грезился наяву...

– Моника! Моника, подожди!

Я обернулась.

Итан.

Да, это был он – офицер Итан Энглер. Тот, кто до вчерашнего дня занимал все мои мысли, и они сами собой рифмовались в строчки стихов.

Бабушка с самого детства привила мне любовь к стихам. Как часто я, забравшись в наше старенькое кресло под теплый плед, зачитывалась томиками Байрона и Джона Китса, Гейне и Бёрнса, Вордсворта и Шелли.

Мне казалось, что в моей голове звучит музыка и вершится какое-то необыкновенное волшебство строчек.

Я никогда не думала, что стану причастной к этому волшебству. Что буду сочинять стихи сама. И все благодаря одному-единственному человеку...

Самый лучший, самый красивый... С благородными чертами лица и внимательными серыми глазами, с чуть грустноватой улыбкой. Он был чутким и великодушным. Он действительно был самым лучшим – сейчас, на контрасте с тем, что произошло со мной вчера и сегодня, я осознала это особенно четко.

Письмо все еще лежало у меня в сумке, вложенное в документы, но едва ли я бы решилась отдать ему свое признание сейчас.

– А я как раз к тебе в архив! Кое-какие документы запросить хотел...

– Хорошо, тогда пойдем вместе, – смутившись, я пошла красными пятнами. Впрочем, это была обычная реакция моего организма на Итана Энглера. – Я ведь теперь не только там... Комиссар велел стенографировать – по старинке...

– Стенографировать? – удивленно вскинул брови он. – то есть всякими крючками и загогулинками шифровать устную речь? В век видеосъемки и аудиозаписи? Дрезднера бы удар хватил, узнай он о таком!

Его возмущение было таким неподдельным, что мне стало приятно.

Значит, ему небезразлично, что со мной происходит?

– Но комиссар Шенк приказал... – я покачала головой. – Я не могу с ним спорить.

– Комиссар Шенк много чего приказал, – Итан поморщился в ответ, и я поняла, что это он про свое смещение с должности помощника комиссара.

Он, наверное, так расстроен... Как же мне хотелось поддержать его! Но я неловко себя чувствовала и никак не могла подобрать слова.

Святые небеса, он, наверное, и не догадывается, какое для меня счастье вот так вот идти рядом с ним... Мы вместе ступили на узкую подвальную лестницу, ведущую в мой архив. От близости Итана кружилась голова – я оступилась, но он подхватил меня.

– С тобой все в порядке, Моника? Ты выглядишь бледной.

Он был таким заботливым, таким внимательным...

– Нет, не в порядке, Итан.

И разревелась. Энглер осторожно меня обнял и участливо принялся расспрашивать, почему плачу, и я не выдержала. Без утайки рассказала обо всем, что произошло в комнате для допросов и о диком, оскорбительном поведении офицера Троя.

Он слушал, нахмурившись, а когда я закончила, то и вовсе стал темнее тучи.

– Это недопустимо, – Итан сжал кулаки. – Это абсолютно недопустимо для офицера полиции!

На волне откровенности я хотела рассказывать про бабушку, чудо-аппарат, и ту катастрофу, что произошла в нашей жизни, но почему-то замолчала. Энглер прижимал меня к себе – только это сейчас было важно.

На миг показалось, не было ни Коула Тернера, ни нравственников, ни рейда в бордель, ни Александра Брента, который теперь являлся собственником нашего с бабулей жилья, ни Кастора Троя, ни визитки публичного дома, что валялась под моей кроватью.

Все это было лишь страшным сном по сравнению с реальностью, в которой мой любимый, благородный, честный Итан обнимал меня, желая утешить. Утешить... или что-то большее, о боже?

По сравнению с тем, что он вдруг нежно коснулся губами моей щеки.

Неужели это значит, моя любовь к нему... ответна? Я была бы сейчас такой счастливой...

Если бы мне не нужно было выкрасть дело сына Брента из личного сейфа Итана.

Бабушка не перенесет, если мы окажемся на улице, она просто этого не перенесет!

А значит – у меня нет другого выбора.

– Я обещаю, что разберусь с этим, Моника, – проговорил Энглер, и в его глазах стояла такая решимость, что, ощущая муки совести, я невольно залюбовалась им. – Кастор Трой не посмеет и пальцем к тебе прикоснуться! Знаешь, такие, как он, не должны работать в поли-

ции. У него дурная слава – вот, что я тебе скажу, Моника. Помнишь громкое дело, когда молодая девушка– офицер застрелилась у себя в кабинете? Третье управление. Она только-только устроилась в полицию... Три года назад это было. Так вот, поговаривают, что это она из-за него. Он имел с ней связь, попользовался, как игрушкой, а потом вышвырнул. А девочка до смерти влюбилась – и не перенесла расставания...

– Нет, – я нахмурилась – история звучала попросту пугающе. – Я про такое не слышала – я еще в училище училась и как-то не интересовалась новостями.

– И зря, – Итан сокрушенно покачал головой. – Мало того, сотрудника с очень скользким прошлым и сомнительными характеристиками назначили на мою должность, так еще многие мои дела забрали...

– Дела? – переспросила, поначалу не уловив смысл сказанного им, слишком хорошо, тепло и уютно мне было в его объятиях.

– Которые я веду, вернее, вел...

– И дело Рики Брента? – я затаила дыхание.

– Рики Брента... Это тот парень, который бегал голым по Академии Вампиров? Да, его тоже. А почему ты спрашиваешь, Моника? Это твой знакомый?

– Просто моя бабушка знает его отца, но очень отдаленно, – поспешно и не совсем ловко пояснила я. Конечно, это было плохо – когда дело пропадет, Итан наверняка вспомнит об этом разговоре, но терять мне уже особо нечего. – И кому же его передали?

На самом деле ответ я уже знала, и он заранее леденил душу.

– Догадаться нетрудно! Все ему же! – зло проговорил Итан. – Кастору Трою, разумеется, кому же еще?

Пробраться в кабинет самого Кастора Троя и выкрасть из его сейфа заветную папку?!
Святые небеса...

ГЛАВА 5

Хуже некуда

– Убийством на Аддерли-авеню будет заниматься Кастор Трой. Илие Метреску, десмонд, скончался от травматического шока и потери крови. У него была вырезана печень, судя по всему, это сделали без анестезии. Ему вкололи только паралитик, чтобы обездвижить, но он находился в сознании... По крайней мере, большую часть... хм... операции. Более подробно в отчете коронера. Все сделано очень аккуратно и профессионально – убийца имеет хирургическое образование. От этого и пляши. Медицинские вузы, больницы, крематории. Все ясно, Кастор?

– Как белый день, комиссар, – офицер Трой кивнул, принимая из рук Шенка синюю пластиковую папку и, даже не открыв ее, бросил в сейф.

Сегодняшнюю планерку Шенк проводил почему-то в его кабинете, а не у себя, причем Трой даже не уступил кожаное кресло начальнику.

Тихонько пристроившись в уголке, я сидела со своей планшеткой, испещрив закорючками и черточками уже несколько листов. Старательно стенографируя речь офицеров, старалась не вдумываться в смысл сказанного ими. Просто записывала их речь – и все. Но, как ни пыталась я абстрагироваться от происходящего, все равно ни на секунду не могла избавиться от ощущения, что я не на своем месте. Далеко не на своем...

Моим место был тихий архив, а не эта комната, полная мужчин, которые обсуждали вещи, от которых волосы вставали дыбом, и в которые я, простой архивариус, не должна была быть посвящена.

Но отныне, по особенному распоряжению самого комиссара Шенка, за мной была официально закреплена должность полицейского стенографиста. Фелиция, которая занималась начислением заработной платы, радостно сообщила мне, что мой оклад повысился на тысячу лей. Наверное, раньше я бы порадовалась, но по сравнению с суммой, которую озвучил Брент, это была просто капля в море.

Впрочем, кого я обманываю? Новая должность меня откровенно пугала. Пугало то, с какими людьми мне приходилось встречаться, и какие разговоры записывать. Но я тщательно все фиксировала, потом расшифровывала записи, и каждый вечер сдавала все это в виде отчетов лично комиссару полиции. По своей сути, эта должность была устаревшей и явно бесполезной, прошлому комиссару и в голову не пришло выдернуть из архива работницу, и отправить ее записывать планерки, допросы, ход следственных мероприятий... Но Шенк почему-то уделил этому особое внимание. Он не спрашивал – он поставил меня перед фактом.

А я... Какую бы работу мне не поручали, я всегда выполняла ее прилежно, аккуратно и быстро. За это меня хвалили еще в Социальном институте.

– Если у отдела по борьбе с уголовными преступлениями больше нет вопросов, то переходим к отделу по борьбе с нравственными преступлениями, – проговорил между тем Шенк, выразительно посмотрев на Коула Тернера.

Его Высокопреосвященство, разумеется, тоже присутствовал. В своем форменном черном кителе, так разительно отличавшемся от полицейской формы, и напоминающем о его сане, он сидел в самом дальнем конце стола, прямой, как палка. Он не участвовал в разговорах, и все-таки его присутствие явственно ощущалось, как будто какая-то мрачная тень довлела над всеми присутствующими.

Всеми, кроме Кастора Троя. Расслабленно откинувшись в кресле, он, как всегда, ухмылялся, а я дрожала и отводила глаза, когда его взгляд пару раз остановился на мне. Итан сказал, что поговорит с комиссаром Шенком по поводу того, что произошло на допросе Джилсона и как ужасно Трой вел себя со мной, но для этого нужен подходящий момент. Судя по тому, как вольготно чувствовал себя помощник комиссара – этот момент еще не наступил. Но это ничего страшного, Итан обязательно меня защитит! Он человек слова, ну и вообще... Самый лучший! Раньше он присутствовал на планерках у начальства, но теперь его нет... Как жаль...

Конечно, мне было далеко до осведомленности Фелиции, но теперь я обитала не только в своем подвале (то есть архиве!) и кое-что знала. Краем уха я слышала, что после неудавшегося рейда на бордель, Коул Тернер рвал и метал.

– По нашим последним сведениям, отпрыск Росси – главы одного из уважаемых вампирских кланов, замечен в распутстве и неподобающем поведении, – скупно проговорил Тернер, а я обратила внимание, какая напряженная повисла тишина, когда он взял слово. – Его следует арестовать, судить, и подвергнуть наказанию согласно букве закона и нашей веры.

– Сына Вито Росси? – переспросил офицер, фамилия которого, как я знала, была Гейн. – Того самого Вито Росси, который пользуется особым расположением великого князя Константина Леоне? Фактически, пойдем против князя?

– Бог не делает различий между высшей вампирской аристократией и десмондами, – проговорил нравственник, и под пронзительным взглядом его синих глаз Гейн заметно съежился. – Нормы морали одни для всех – и для князей и для простого народа.

Я знала, что это неправда – чистокровные вампиры считались элитой, дампиры, в которых вампирской крови было наполовину – на одну ступень ниже, ну а десмонды и мы, люди, которые знали о существовании Темного мира, считались отбросами общества. Но в последнее время ситуация поменялась – во многом благодаря именно Коулу Тернеру, который выступал за равенство. Очень многие люди, десмонды и даже некоторые дампиры пламенно поддерживали его, не смотря на то, что его методы были слишком жесткими.

Вот и Шенк даже не вздумал возражать, только поинтересовался с почтением:

– Ваше Высокопреосвященство, этой информации можно верить? Дино Росси действительно настолько погряз в грехе, что к нему требуется применить особые меры?

Коул Тернер ничего не ответил и, наверное, это значило «да», зато внезапно заговорил Кастор Трой, вставляя даже не скрывая издевки:

– Сможет ли Его Высокопреосвященство взять мальчишку с поличным, при свидетелях, вот в чем вопрос? А то в последнее время прямо сомнения берут в его компетентности...

– Мы решили подослать к Дино Росси девушку, которая спровоцирует его на противоправные действия, – не обратив абсолютно никакого внимания на выпад Троя, сухо проговорил Тернер. – Если он устоит перед искушением, все обвинения будут сняты.

– А, ну неплохо, – усмехнулся помощник комиссара. – только девочка-то должна быть красивенькая... и раскованная. А вы ведь многих красивых и раскованных попортили, преподобный. Где теперь искать будете?

– Может быть, вы подскажите, офицер Трой? – не глядя на Троя, как будто брезгуя одним только его видом, проговорил Его Высокопреосвященство. – Вы вроде как всегда любили именно таких.

– Никогда этого не скрывал, – Кастор улыбнулся еще шире, но улыбка эта больше напоминала звериный оскал.

– А надо бы, – голос Тернера был холоден, как лед.

– Предлагаю взять девушку из нашего отделения, – поспешил вмешаться Шенк, как будто стремясь все побыстрее сгладить, – Правда, кто покрасивее, у нас все замужние, а больше и нет никого... Хотя, есть одна подходящая! Есть одна! Фелиция Виклер, из бухгалтерии – просто картинка! Как вы смотрите на это, Ваше Высокопреосвященство?

– В первую очередь девушка должна быть чиста душой, чтобы не поддастся соблазну, с которым она соприкоснется, – отозвался Тернер. – Чтобы тлетворный дух порока не коснулся ее...

– Фелиция Виклер как нельзя подходит, – поспешил уверить его Шенк

Нравственник коротко кивнул, но смотрел он при этом на Кастора Троя, смотрел таким тяжелым взглядом, что будь на его месте я, провалилась сквозь землю

Но Трой только ухмыльнулся. Ему все было нипочем.

И да, как выяснилось, меня за красивую или хотя бы симпатичную, никто из них не считал...

Разбирая архивные папки, я часто задерживалась на работе допоздна. Мне нравилось копаться в бумагах, нравилось наводить порядок. Могла ли я подумать, что однажды в моей собственной жизни наступит хаос, который просто так не разгрести?

Могла ли предположить, что в один прекрасный вечер, когда остальные давно покинули здание, буду красться по полутемному коридору, воровато оглядываясь и замирая от каждого шороха?

Могла ли представить, что в моем кармане будет лежать ключ от кабинета помощника комиссара полиции, который я недрогнувшей рукой выкраду у охранника на вахте?

Сегодня дежурил Эймс, милейший пухлощекий паренек, на котором форма сидела, как костюм для утренника в детском саду, в который его нарядила мама. Чувствуя друг в друге родственные души (школьный изгой школьного изгоя видит издалека!), мы с ним частенько перебрасывались парой слов, мне даже казалось, что Эймс не прочь пригласить меня на свидание.

Сегодня я заглянула к нему с пончиками и кофе, но, вот беда, опрокинула горячий ароматный напиток прямо на брюки. При этом так сильно волновалась, что это получилось у меня почти не нарочно. Заветный ключ от двадцать третьего кабинета, который я незаметно сдернула со стойки, едва не выскользнул из моей потной ладони... Если честно, я была неуклюжей

– крайне неуклюжей, и будь на месте Эймса кто угодно – обман раскрылся. Но, сокрушенно охая, он попросил меня посидеть на вахте, а сам умчался в туалет – очищать брюки. Приняв эту удачу за добрый знак, я успокаивала себя тем, что все задуманное пройдет так же гладко.

Ключ мягко повернулся в замке и, как во сне, я скользнула в кабинет Кастора Трой. Святые небеса, что я делаю? Я сошла с ума...

Если бы сегодняшняя планерка не проводилась здесь, я никогда не пошла на это. Я знала, мне не выведать шифр от его личного сейфа, в котором дело Рики Брента хранилось с другими делами, которые вел Трой. Эта информация строго конфиденциальна. Ее нельзя подслушать, узнать у кого-либо, кроме лично него.

Никогда, если бы не... Если бы сегодня днем с моего места не открылся бы прекрасный угол обзора, когда он зашвырнул в сейф дело Илие Метреску, которое ему поучил Шенк.

Наверное, нужно было взять с собой фонарик, но я не позаботилась, потому что подспудно все-таки не верила, что действительно сделаю это. Пришлось светить экраном телефона.

Руки тряслись так, что я укусила себя за ладонь, как будто это хоть как-то могло унять лихорадочную дрожь.

Я помнила этот код – весь сегодняшний день комбинация этих цифр на разные лады повторялась и повторялась у меня в голове.

Шесть. Девять. Три. Один. Восемь. Пять.

Замок сейфа тихо щелкнул и, потянув тяжелую дверцу, я склонилась к его содержимому. Бешеная доза адреналина ниагарским водопадом выплеснулась в мою кровь.

Спокойно, Моника! У тебя все получится. Почти получилось!

И в эту самую минуту зажглась настольная лампа. Содрогнувшись всем своим существом, я обернулась, и в ужасе увидела хозяина кабинета.

Кастор Трой стоял на пороге, прислонившись к косяку, и мое сердце застыло в груди.

Худшее, что могло случится со мной...

– Привет, зайчонок, – пропел он и прикрыл за собой дверь. – Сюрприз!

Я слотнула, а во мне звучала только одна мысль – если бы можно было отмотать время назад! О, если бы можно!

– Ты действительно настолько глупа и думала, я не замечу, как ты срисовала шифр? – Кастор Трой медленно обошел меня, в то время как я боялась даже шелохнуться под его тяжелым взглядом – меня кидало то в жар, то в холод.

Молчать. Это единственное, что сейчас остается мне.

Боже, я пропала! Пропала!

– Это должностное преступление, зайчонок, – продолжал офицер Трой с таким искренним осуждением, будто вместо этого я живьем съела с десятков невинных младенцев. – Ты хоть отдаленно представляешь, что тебе за это будет?

Молчать. Даже если он слишком близко и от этой близости мое тело становится безвольным воском, из которого лепят куклы для музея мадам Тюссо. Даже если горло перехватывает натужный спазм и, кажется, я не могу набрать полную грудь воздуха и сейчас задохнусь. Даже если от уже знакомого, едва уловимого и такого беспокойного запаха шипра все плывет перед глазами, а внутри индевет, как будто прямо в мой живот воткнули ледяную иглу.

– У меня всего один вопрос, он предельно понятен и прост, и ты сейчас на него ответишь. Честно. Да, солнышко? – склонившись ко мне, вкрадчиво поинтересовался Кастор Трой, а затем притронулся к моему рту, раздвигая губы. – Что тебе было нужно в моем сейфе?

Во мне на все лады завывали сирены, сигналив о повышенном уровне опасности, тревожно мигала красным большая лампочка «SOS!», но, ошарашенная его пальцем, скользнувшим в мой рот, я почувствовала, как наливается странно-болезненной тяжестью низ моего живота.

Подушечкой большого пальца он прошелся по моим зубам, потерялся о кончик языка, скользнул вперед и назад, вперед и назад, вызывая бесстыжие и такие возбуждающие ассоциации с действием, о котором мне всегда даже помыслить было стыдно.

Мое молчание было громче самого оглушительного крика, но я не могла остановить его, не могла заставить себя попытаться вырваться или хотя бы сжать зубы, чтобы укусить. Все, о чем сейчас просило мое ослабевшее, как будто превратившееся в воздушное суфле тело, чтобы его палец двигался и извивался вниз, там, где набрякли, сочась мокрым желанием, складочки меж моих стиснутых, напряженных ног.

– Ещё раз, – его дыхание в моем рту, но губы не на моих губах. – Что тебе нужно в этом сейфе?

Резко развернув меня и вжав в себя спиной, он сдавливает мою шею удушающим. Как будто сквозь какую-то пелену я вижу в свете настольной лампы свое неясное отражение в окне, а мужской силуэт позади меня тонет во мраке ночного города за стеклом.

Затравленное лицо и испуганные глаза девочки, которую я вижу, придает сил – пытаюсь трепыхаться, но Кастор Трой еще сильнее стискивает меня. Другая его рука ложится на мое бедро и ползет вверх по юбке, собирая толстую шерстяную ткань, а я... Там, под этой тканью, в моих хлопчатобумажных трусиках слишком влажно и непозволительно горячо.

– Преступление против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления карается сроком от одного года до десяти лет, в зависимости от состава преступления. И ты у меня пойдешь по вышке, душа моя, – ласковый и жестокий голос в самом моем ухе – лишает рассудка и какой бы то ни было надежды. – Позор для милой маленькой серой мышки, как ты. Такая тихая и правильная, исполнительная и аккуратная, такая невзрачная и откровенно несексуальная... Почему ты пошла на преступление?

Он – не Итан. не тот, кто посочувствует моей беде. Не тот, кто поможет, утешит, защитит. Он – тот, кто все усугубит. Тот, кто сделает только хуже.

Молчу, хотя внутри содрогаюсь от немого крика. Но никто не услышит этого крика о помощи. Итан Энглер далеко отсюда. Возможно, еще дальше, чем я думала...

– Знаешь, зайчонок, ты абсолютно не в моем вкусе, но, думаю, с тобой довольно интересно будет... договориться.

Железная рука Кастора Троя прямо под моей блузкой. Он задирает вверх лифчик и мнет мои груди, мучительно стискивая оба полушария и давя ареолы набухших сосков. А я наблюдаю за этим в стекле окна, на мой помутившийся ум навязчиво идет дикая ассоциация с короной, из которой выдаивают теплые белые струйки молока, и скользкая, вязкая влага течет внутри моих сжатых бедер.

– Отпустите... – нахожу силы выдохнуть сквозь плотно сомкнутые зубы, понимая, что мне конец и молить его о пощаде бесполезно. – Пожалуйста!

– Как скажешь, зайчонок, – убрав руки, Кастор Трой неожиданно отступает назад.

Ничего не понимая и тяжело, прерывисто дыша, я трясущимися пальцами судорожно поправляю выбившуюся из юбки блузку, а в следующее мгновение дверь кабинета распахивается, и на пороге вижу самого комиссара Шенка. И как Трой увидел? Каким звериным чутьем почуял?

– Ты здесь, Кастор... А я подумал, ушел, и свет не выключил...

Комиссар смотрит сначала на своего помощника, затем на меня, но затем он замечает настежь распахнутый сейф и взгляд его становится каким-то нехорошим, напряженным.

– Что здесь происходит, офицер Трой?

Ни жива ни мертва, я стискиваю в пальцах шершавый край своей шестяной юбки. Это жест моей бабушки, и я невольно переняла его. Бабулечка, моя любимая, самый родной мой человек! Что теперь будет с тобой?

Жутко... Святые небеса, все кончено, кончено! Сейчас Трой расскажет, как застучал меня в своем кабинете, а я... Никогда в жизни не расскажу о том, что последовало вслед за этим. Если Итан узнает об этом, я просто не переживу...

– Я попросил мисс Калдер принести из архива кое-какие бумаги по медучерждениям, находящимся в районе Аддерли-авеню, – проговорил Трой, и я заметила у него невесть откуда возникшую папку. – Но она была довольно-таки нерасторопна.

Он положил папку в свой сейф и на глазах у всех закрыл его.

– На будущее, мисс Калдер, если мне что-то от вас нужно, выполняйте это сразу, а не когда рабочий день уже закончился, – не сводя с меня глаз, сказал офицер Трой и повернулся к Шенку. – Мисс Калдер любезно предложила мне себя... в качестве секретаря. А так, как я как раз хотел подыскать помощницу, это сама судьба. Да, мисс Калдер?

Я боялась, что голос сорвется, поэтому просто кивнула.

– У мисс Калдер получается слишком много обязанностей, – заметил комиссар. – Архив, стенография, теперь вот еще секретаршей у тебя...

– Пусть три часа работает в архиве и изредка стенографирует, я не против, – со своей всегдашней ухмылочкой отозвался Кастор. – Пока вы новую стенографистку не подыщите.

– Ты, Трой, как всегда, уж больно быстрый, – проворчал Шенк, посторонившись, чтобы пропустить меня. – Заграбастал себе девчонку... Такой ценный кадр!

Комиссар не видел лица своего помощника, а я видела, и мое сердце, которое вроде бы как потихоньку возвращалось к нормальному режиму работы, снова ушло в пятки.

– Ценный, – повторил Кастор Трой, и от его паршивой улыбки мне стало дурно. – О да...

ГЛАВА 6

Исповедь

– Монечка, маленькая моя! Опять припозднилась, ну что ты будешь делать? – бабуля суетливо встречает меня в нашей крошечной прихожей, чуть ли не силком отбирая пальто. – А у нас гости! Проходи скорее, ясочка, и за стол! Скорее все за стол! Ох, ты святые угодники, у меня же там пирог!

Бабушка умчалась на кухню, а я, скинув боты, уже предчувствуя неладное, прошла в коридор, в котором наткнулась на Александра Брента, собственной персоной. Человек, которому я на данный задолжала столько денег, сколько даже представить не могла, был не один, а с семейной целым семейством. Полноватый молодой человек в очках, его жена – очень худая блондинка в безумных кудряшках, обрамляющих лошадиное лицо, и их отпрыск, светловолосый мальчик лет семи – лицом он пошел в маму, а полнотой – в отца. Он ел батончик, – и рот, и руки его были в шоколаде.

– Квартира, конечно, неплохая, но требует капитального ремонта, – выговаривала блондинка Бренту, не то, чтобы не поздоровавшись – абсолютно не обратив никакого внимания на меня. – Потолки высокие, это хорошо, коридор тоже достаточно широкий... Но выход на крышу однозначно надо будет заложить – в той комнате мы сделаем детскую, оставлять такое попусту опасно! И потом, мистер Брент – вы видите стены? Кривые, это и без уровня видно! Боже, а про пол я вообще молчу – как стиральная доска! Эта отделка точно влетит нам в копеечку – вы просто обязаны предоставить скидку!

– Какую скидку? – прошептала я, не в силах поверить, что это происходит в моем доме. – Кто вы?

– Это Александр Брент, родная моя, – улыбочиво пояснила бабушка, появившись на пороге кухни. – Ученый, который изобрел тот волшебный аппарат для памяти. Он пришел со своими племянниками, чтобы справиться о моем здоровье. Это так мило! Александр, а

Моника мне запрещает им пользоваться, я вам говорила! Скажите, скажите ей, что это абсолютно безопасно!

– Дорогая, а как ты посмотришь на то, чтобы сломать эту стенку, и объединить кухню с гостиной? – проговорил глава семейства, напрочь игнорируя нас с бабушкой, а его сын как ни в чем не бывало вытер испачканные шоколадом руки о кружевную салфеточку, лежащую на комод. Бабушка с такой любовью ее вязала...

Какую стенку, святые небеса? Я схватилась за голову. Это наш дом! А он так запросто привел этих... этих... которые хотят купить у него нашу квартиру?! И моя бедная бабуля хочет угостить этих наглецов своим фирменным ежевичным пирогом?

– Уходите, – тихо сказала я, но меня почему-то услышали, а затем что-то темное, незнакомое, поселившееся во мне дало себе волю и я закричала. – Убирайтесь прочь из нашего дома! Вы слышите? Убирайтесь прочь!

– Моника... – бабуля испуганно поднесла ладонь к округлившемуся рту. – Разве можно так с гостями?

– Это не гости... Не гости, бабуль, – я знала, что мои щеки налились некрасивыми красными пятнами – я всегда шла пятнами, когда краснела, но мне было плевать.

– А это что еще за истеричка? – блондинка-барашек смерила меня презрительным взглядом и повернулась к Бренту. – Вы говорили, проблем не будет, но эта особа...

– Я не особа! Мы – хозяйева квартиры и вы не смеете... – я задыхнулась.

– Моника, что происходит? – бабушка схватилась за сердце. – Что все это значит?

Господи, не хватало еще, чтобы ей стало плохо из-за этих вот мерзавцев!

– Все хорошо, бабуль, – поговорила я напряженно, хотя прекрасно знала – ничего не хорошо. Он имеет право показывать потенциальным покупателям нашу квартиру... эту квартиру. Он имеет. – Просто наши гости уже уходят...

А что я сделаю, если они не захотят? Если внаглую усядутся за бабушкин ежевичный пирог, который она держала в смешных рукавичках-прихватках, что я подарила ей на прошлое Рождество?

– Пожалуй, нам действительно пора, Алейна, – улыбнулся Brent и ненавязчиво принялся теснить все милое семейство к дверям. – Берегите здоровье и свою внучку. Она у вас замечательная! Проводите нас, Моника?

– Квартирка – прелесть, но эта... девушка испортила все приятное впечатление. Не дала осмотреть спокойно, – уже на лестничном пролете бросила блондинка и быстро стала спускаться по ступенькам, подхватив своего похожего на тюленя мужа и недовольного сына. – Мы все обдумаем, и, возможно, позвоним вам, Brent. При условии, что этой... здесь не будет и она никогда не появится в последующем!

– Буду ждать, миссис Розенблатт, – крикнул ей вдогонку Brent, а потом повернулся ко мне. – Дело?

Кровь вмиг отхлынула от моего лица.

– Я... я... я... – что я заикаюсь, как заведенная, господи?! – Вы же говорили, у меня есть неделя...

– Мало ли что я говорил, когда подвернулись такие крутые клиенты? – ухмыльнулся мужчина. – Посмотри на эту Розенблатт – сучка редкостная, но вместе с муженьком они имеют пять миллионов лей в год. Так что там с делом моего сына? Оно у тебя?

– Я пыталась... Почти получилось, но меня застукал помощник комиссара. Я действительно пыталась... Не получилось... Пожалуйста...

– Хочешь сказать, ты опростоволосилась? Упустила свой единственный шанс? – в голосе Brenta открытое презрение. – тогда какая-то высокомерная сука Розенблатт действительно должна жить в твоей квартире! В конце-то концов, встала бы на колени и сделала этому полицию минет! Или бабулю свою не жалко?

Я вспыхнула, а перед глазами, как наяву, возник офицер Кастор Трой в расстегнутой форменной рубашке и его пальцы у меня во рту.

– Я не смогу достать дело вашего сына – это исключено. Он будет следить за сейфом, как за зеницей ока. Но я достану деньги! Обещаю, что достану!

– Где? – выплюнул Brent и грубо припечатал. – Или надеешься, сможешь родить банкноты из своего девственного влагалища? Ты неплатежеспособна, крошка!

– В пансионе Эдны Диофант! – выпалила я, а потом зажала себе рот, осознав, что сказала. Судя по тому, как изменился в лице подлец, это имя было ему знакомо.

– Ах, вот оно что, – Brent похотливо облизал губы и глазки его заблестели. – А я, признаться, недооценил тебя, милашка. Вот только кто польстится на такую задрипку, как ты... Впрочем, всякие бывают извращенцы! Окей, дерзай, крошка, раз у тебя... такие знакомые. Честно говоря, мне твою бабульку жалко. Очень она мамашу мою покойную напоминает. Я даю тебе ровно месяц. Отдашь мне на руки миллион лей – считай, я в тебя поверил. Если нет – никаких отсрочек. Я отдаю квартиру Розенблаттам. Несмотря на все вопли, квартирка очень приглянулась этой сучке, она ее дождетса и возьмет без всякой скидки. Если ты не рассташься, конечно. По рукам?

– По рукам... – прошептала я.

Я сказала про Диофант лишь, чтобы отсрочить кошмар и это у меня получилось. В безграничном отчаянье, охватившем меня, я же не подумала о этом всерьез?

– И ты... это... принеси ежевичный пирог, который испекла твоя бабушка, – добавил Brent. – Думаю, у тебя все равно сейчас не будет аппетита. А моя жена очень любит домашнюю выпечку.

– Моника Калдер, на исповедь.

Суровый безликий нравственник, появившийся в архиве, как черт из табакерки, застал меня врасплох. Я быстро вытерла воспаленные глаза, надеясь, что они выглядят не заплаканными, а уставшими, и спешно поднялась. На исповеди я была совсем недавно, искренне показывая старому капеллану в своих грехах и была уверена, что в ближайшее время меня не призовут.

При полицейском отделении существовала небольшая капелла, в которой старый капеллан Петцваль проводил мессы и соборные молитвы. Все мы были обязаны исповедаться и причащаться – нравственники строго следили за теми, кто пропускал богослужения, тем самым демонстрируя неуважение к законам, которые нам дали те, кого мы почитаем за святых. К слову сказать, Петцваль был единственным из нравственников, к которому я испытывала симпатию – это был пожилой десмонд со светлыми глазами в сетке морщин, с которым мы иногда подолгу разговаривали.

Несмотря на то, что часовня совсем небольшая, она была создана с большим мастерством, в лучших традициях готики. Как будто свитая из арок и колонн, она, как кружевом, была украшена причудливой резьбой, изображающей диковинных животных и различные растения.

Вампиры поклонялись Лилит и Каину, которые стали мужем и женой, и от которых пошел весь их вампирский род – стены капеллы были расписаны сценами из их жизни. Так как моя семья хоть и была человеческой, но знала о существовании вампиров, и жила в их мире и по их законам, тоже почитала первых вампиров за своих богов.

Войдя под темные прохладные своды, я почувствовала смятение и все нарастающее беспокойство, потому что около алтаря меня ждал никакой вовсе не капеллан Петцваль, а сам Его Высокопреосвященство Коул Тернер. Его прямая неподвижная фигура, его черный китель и холодные синие глаза – весь его строгий образ вызывал тревогу и страх.

Он протянул руку, и я прикоснулась губами к золотому перстню, на котором были выгравированы соха и плуг – символы первого вампира, Каина, который по роду занятий был земледельцем. Печатка была нестерпимо холодной, казалось, что мои губы заледенеют от нее.

Я робко ступила к исповедальне, где за тонкой решетчатой перегородкой всегда исповедовал Петцваль, но Тернер отрывисто приказал – «На колени», и я опустилась перед ним, боясь поднять взгляд.

Небеса, в чем мне каяться, в чем признаваться этому железобетонному мужчине, возвышающемуся надо мной, словно черная скала? Как умолчала о визитной карточке, опущенной в мою сумку хозяйкой борделя, который он жаждал сравнить с землей? Или как пошла на должностное преступление, выкрала у охранника ключи, открыла сейф? Или как дрожала, умирая от страха и греховного возбуждения, когда Кастор Трой тискал мои груди под взмокшей от пота блузкой?

Прямо на уровне моих глаз пола черного кителя с агатовой пуговицей и красивые, холеные мужские пальцы, медленно перебирающие перекидные четки. Плоская лента, двенадцать прямоугольников, на каждом из которых изображены двенадцать пожизненных грехов, которые назвал Каин.

Зависть. Гордыня. Раскрытие. Умалчивание. Клевета. Жестокость. Лукавство. Ярость. Злоупотребление. Обман. Похоть. Предательство.

– Каюсь, я грешна перед святыми, ибо я... позавидовала, – прошептала я, едва сдерживаясь, чтобы не заплакать.

На моей душе лежал слишком тяжелый груз, а сейчас я сделаю свою ношу еще тяжелее. Солгать на исповеди – кто бы мог подумать, что я пойду на такое? Молчать мне нельзя, но почему так стыдно говорить Коулу Тернеру о том, о чем я с легкостью могла поведать капеллану Петцвалю?

– Чему ты позавидовала? – его голос раздается где-то сверху, и он абсолютно бесстрастен.

– Своей подруге, Ваше Высокопреосвященство, – опускаю голову еще ниже. – Она очень красивая и уверенная в себе. К тому же недавно она получила наследство, и может себе позволить покупать красивые и дорогие вещи, а я не могу... Мне приходится... донашивать старые бабушкины вещи. Каюсь, святой отец, я грешна.

– Ты хочешь быть красивой для мужчин? Хочешь привлекать их, вызывать в них запретные чувства?

– Нет, что вы, Ваше Высокопреосвященство? Я бы никогда... Я просто хотела...

Стоя перед ним на коленях, я чувствую себя бессовестной, развращенной, жуткой грешницей. Настоящая правда – она внутри меня. И он так отвратительна, страшна и по-настоящему опасна, что я никогда в жизни ее не скажу. Вся надежда только на Иена – лишь он, такой благородный и честный, сможет защитить меня от Кастора Троя. А может, это не по силам даже ему...

– Почему ты плачешь?

О, этот голос – голос бездушной машины, безликого робота – монотонный и холодный. Святые небеса, а я и не заметила, что по моим щекам текут слезы.

– Встань.

Чувствую себя такой слабой и униженной, такой раздавленной... Пытаюсь выпрямиться, и вдруг чувствую, что сильная мужская рука берет меня за предплечье и помогает подняться. А в следующее мгновение я вижу его глаза, синие, как два Северно-ледовитых океана. Где-то там, под обломками льда, под толщей темных вод слабо мерцает нечто непонятное. Нечто, что странно видеть в бесстрастном кардинале, безжалостном начальнике отдела полиции нравов.

– Ты влюблена? Ты хочешь ему понравиться?

Я знаю, что нравственники наделены особыми полномочиями, знаю, что он может спросить у меня что угодно – от того, кем я мечтала стать в детстве до того, когда у меня были

последние месячные. Я обязана буду ответить правду, но этот вопрос повергает меня в ступор и я, как всегда, покрываюсь красными пятнами и начинаю заикаться.

– Я? Вроде того... вообще-то да. Да, я влюблена. Да, кардинал... я... хотела. Я хотела, чтобы он посмотрел на меня... по-особенному. Но я бы ни за что на свете не стала соблазнять его – даже сама мысль об этом противна. Это достойный человек, и мне кажется... мои чувства небезответны, хотя точно я не знаю... Надеюсь, что мы поженимся и... Мы будем очень набожной, тихой и доброй семьей...

Святые небеса, что, что я мелю? Что, если Коул Тернер сейчас спросит имя, и я должна буду назвать Итана... Зачем кардиналу мои глупые маленькие тайны и почему он так странно смотрит на меня? Почему его рука все еще сжимает меня чуть повыше локтя? И почему мне хочется разреваться в голос и рассказать этому вампиру все – начиная от аферы, которую провернул Brent с нашей квартирой и заканчивая произошедшим в кабинете Кастора Троя? Почему, если я знаю – в лучшем случае он отрежет мне за это кончик мизинца, а в худшем – выколет глаз?

– Верю, – поговорил кардинал и внезапно подушечкой большого пальца оттер мою мокрую щеку и повторил. – Я тебе верю. Ты должна будешь кое-что сделать для полиции нравов. Ты была на том совещании и слышала. Мне нужна девушка, с помощью которой можно будет обвинить отпрыска влиятельнейшего вампирского клана в преступлениях против морали и нравственности.

В первое мгновение мне стало смешно, в следующее – жутко.

– Как я ни надеялась, она абсолютно не похожа на меня – нужно это признать. Какой в ее возрасте была хорошенькой я – настоящий ангелок! А помнишь, когда шоколадная фабрика объявила конкурс на фото самого милого ребенка для обертки новой шоколадки? Мой снимок предпочли из десятков тысяч других! Там я еще в таком голубеньком платьице с рюшами, помнишь его? Жаль, этот шоколад больше не производят...

– Побойся бога, Рагель! Разве можно так говорить о своей собственной дочери? Моника еще ребенок. Вырастет – и станет настоящей красавицей!

– Глупости, Алейна! Из некрасивых детей вырастают некрасивые взрослые! Тебе ясно, Моника? Ты должна смириться с тем, что привлекательной тебе никогда не быть! Тебе нужно быть чистой, аккуратной, услужливой – тогда окружающие будут иметь с тобой дело. Ты поняла меня? Поняла, Моника?

Иметь дело – значит любить. А мне так отчаянно хочется, чтобы меня любили. Хотя бы на немножко хочется ощутить себя, как Виржини Фалардо – девочка из нашего класса, которая на День Святого Валентина получила рекордное количество валентинок, а еще конфеты в коробке в форме сердечка и симпатичного зайчонка, держащего в лапах розочку.

Я знаю, кто прислал ей мягкую игрушку – сама видела, как Пьер-Антуан Герен, мальчик из параллельного, волнуясь, вручал красиво завернутый сверток нашему почтальону Любви.

По-моему, Виржини чем-то похожа на мою маму с того самого снимка, где ей одиннадцать и который жюри шоколадного конкурса предпочло всем другим. У Фалардо такое же милое кукольное личико, золотистые кудряшки и даже есть почти такое же небесно-голубое платье с белыми рюшами.

Виржини Фалардо красивая, поэтому она заслужила столько подарков и валентинок, а я – ни одной, даже самой крошечной. Сколько ни надеялась, сколько ни ждала, ни высматривала почтальонов Любви, втайне надеясь, что на этот раз один из них подойдет ко мне.

Маме виднее. Конечно, она права! Нужно быть послушной и неконфликтной, тихой и незаметной. И тогда, может быть, у меня есть шанс, что хоть кто-нибудь хоть когда-нибудь подарит мне валентинку.

– Да, мама... Я поняла, мама...

– Вы, верно, смеетесь надо мной, Ваше Высокопреосвященство, – прошептала я. – Посмотрите на меня – это абсолютно невозможно! Дайте это задание лучше Фелиции, она больше подходит...

– Я исповедовал ее. Не только ее, – оборвал кардинал. – И решение я принял. Тебе будет дано все необходимое, чтобы подготовиться. Твое сподруничество зачтется перед самими Каином и Лилит. В сердце – покаяние, в устах – исповедь, в поведении – смирение. Грех зависти отпускаю тебе.

Я открыла рот, чтобы проблеять нечто, похожее на возражения, но было уже поздно. Сочтя исповедь и разговор законченными, Коул Тернер отвернулся и, не оглядываясь, пошел по проходу прочь, оставив меня в капелле одну.

ГЛАВА 7

Слишком жестоко

Лифт поднимался на семидесятый этаж, кажется, целую вечность. Это была одна из башен Предьял-Сити, в которой, на одном из последних этажей находились роскошные апартаменты известной певицы Джудиты Рикар.

Хотя глаза Кастора Троя были скрыты очками-авиаторами, которые он не потрудился снять в помещении, даже сквозь черные стекла я почувствовала его неотступный взгляд.

– Зачем вы взяли меня с собой? – не выдержала.

– А вдруг мне кофе захочется? – он пожал плечами. – Кого еще послать за ним, кроме тебя? Ты ведь теперь моя помощница, и обязана выполнять все прихоти своего непосредственного начальника.

На сочетании слов «все прихоти» меня кидает в жар.

– Меньше всего на свете я хотела становиться вашей помощницей... И я не...

Проглотив конец предложения, резко замолчала, потому что его тяжелые руки легли на мою талию, и... скользнули ниже. Вот так запросто – лифтовая кабина с полностью прозрачными стенками неспешно поднималась вверх в башне из бетона и стекла, а офицер полиции Кастор Трой как железными тисками мял мои бедра. Лапал в наглуую и совершенно по-хозяйски, словно имел на это полное право.

– Прекратите немедленно... Что вы себе позволяете? – только и смогла вымолвить я, но голос мой звучал совсем неуверенно и слабо.

Ведь он может позволить... Может. Иначе...

– Твое возмущение звучит так жалко, что это, пожалуй, даже мило. Или мне нужно все-таки рассказать комиссару Шенку, что ты украла ключи от моего кабинета и открыла сейф? Не надо? Точно? Тогда сделай одолжение, зайчонок, закрой свой волшебный ротик, пока я не придумал для него более интересное занятие, – Трой сжал меня слишком сильно, грубо сдавил до резкой боли, что, выгнувшись, я уперлась ладонями в стеклянную стенку и с трудом сдержала изнемогающий стон.

Двести метров над землей – с одной стороны лифта Предьял, как на ладони, а с другой проплывают многочисленные этажи торгового центра с сотнями копошащихся, как муравьи, людей. Но он прямо за моей спиной, а его пальцы на моих бедрах – я чувствую их сквозь трусики и плотную ткань моих прямых брюк. Дыхание перехватывает и я падаю, падаю...

– Мне больно, – цежу сквозь зубы. – Уберите руки!

Черт с два он послушается...

– Слышал, Его Высокопреосвященство избрал тебя для светлой миссии, – Кастор Трой прижимает бедрами меня сзади и я, распластанная по стенке лифта, как бабочка по стеклу, с

ужасом смотрю вниз, понимая, что бессовестно, бесстыдно теку. – Хорошее дело, богоугодное. Дерзай.

Женский металлический голос как сквозь вату объявляет номер этаж, мелодичный звон раздается где-то на периферии моего сознания и двери лифта открываются.

Кастор Трой выходит как ни в чем не бывало, даже не оглянувшись на меня, и тут же начинает давать распоряжения сразу нескольким полицейским, подскочившим к нему. Сглотнув, я нервными пальцами поправляю брюки (там, в междуножье, они мокрые, постыдно и холодно мокрые!) и на трясущихся ногах выхожу следом.

По роскошным в своем минимализме апартаментам взад-вперед снуют полицейские, но я следую за офицером Троем в огромную светлую спальню. Много белого, слишком много белого – белые стены и белый паркет, глянцевый белый потолок и воздушные белые занавески. Тем страшнее залитая кровью белоснежная постель с окровавленным обнаженным телом женщины в неестественной, изломанной позе. Голова ее утоплена в груди атласных подушек, и они тоже пропитаны кровью.

– Смерть наступила между пятью и шестью часами утра, – негромко докладывает Трою лысеющий мужчина в штатском, но я слышу каждое слово. – На бедре, в том же самом месте, что и у Метреску, след от укола. Скорее всего, ей вкололи тот же самый паралитик, но точнее, конечно, смогу сказать после вскрытия.

Объятая ужасом, приказываю себе не смотреть, уткнувшись взглядом в огромную картину, висящую над кроватью, и являющуюся, помимо кровавых простыней, здесь единственным цветовым пятном. На портрете Джудита Рикар – настоящая красавица – хрупкая блондинка с огромными фиалковыми глазами и пепельными локонами.

– Болевой шок и большая кровопотеря? – абсолютно спокойный, Трой отводит подушки в сторону, и в каком-то ступоре я вижу развороченное горло певицы, напоминающее вывернутую наружу морскую раковину. – Связки вырезаны...

Борясь с подступающей к горлу дурнотой, обхватываю себя руками и отступаю назад. Зачем он взял меня на труп? Зачем?

– В отличие от Метреску, все проделано очень грубо, – деловито замечает полицейский в штатском. – Однако он так же кромсал ее на живую. Без всяких обезболивающих. Обездвижил только, чтобы не трепыхалась – и все.

– Занятный парень, – Кастор Трой кривит губы в усмешке, разглядывая портрет убитой. – С выдумкой. Какие-то следы, отпечатки пальцев? Биологический материал?

– Осматривали несколько раз, чуть ли не под микроскопом. Ничего. Вообще ничего!

Боясь даже думать о том, что в последние часы своей жизни чувствовала несчастная, забиваюсь в угол и опускаюсь на корточки. Жестоко, жестоко, и так жутко, что мое собственное горло сдавливает тяжелый липкий спазм.

Низко склоняю голову и вдруг замечаю на белоснежном паркете несколько мутных выпуклых капель.

– Офицер Трой...

Он не сразу обращает на меня внимание, поэтому мне приходится повторить срывающимся голосом. Заинтересовавшись, первым подходит полицейский в штатском.

– Офицер Трой, взгляните!

Присев на корточки, Кастор Трой проводит по застывшим каплям пальцами:

– Воск. Причем следы свежие.

И резко поднимается, веля еще раз по сантиметру прочесать всю огромные апартаменты Джудиты Рикар, а затем, заново, – квартиру Илии Метреску.

На следующее утро подробности жестокого убийства известной певицы уже на первых полосах всех газет, во всех новостях и передачах по телевизору. Сми, еще вяло перемалывающие смерть Илии Метреску, бросаются на страшную новость, как собаки на кость.

На планерках комиссар полиции Шенк трясет заголовками, один невероятнее другого, и орет о том, что в прессу просочилась информация, которая напрямую мешает следствию. Еще нет достаточных оснований, чтобы говорить о серии, а папарацци уже во все горло вопят, что в Предьяле завелся маньяк, вырезающий у своих жертв части тела.

Я старательно отворачиваюсь, проходя мимо газетных киосков, и вообще не включаю телевизор. Мне хватает и того, что я была там и видела все своими глазами.

Мне хватает того, что пару раз мне снится белоснежная комната и залитая кровью постель – только это я лежу в ней с разрезанным горлом. Я – обнаженная и заваленная окровавленными банкнотами.

Будь ты проклят, что, решив развлечься, взял меня с собой в Предьял-Сити.

Будь ты проклят, Кастор Трой...

Помощник комиссара любил крепкий сладкий кофе с большим количеством сливок – такой продавался только в кофейне за два квартала от полицейского отделения. Я бегала за ним по нескольку раз на дню.

Весенний день выдался солнечный, но по-зимнему холодный – стоя в очереди (очереди, очереди, здесь всегда были огромные очереди!), я отчаянно мерзла в своем тонком пальто, переступая с ноги на ногу.

– Возьмите книжечку за три леи... Всего три леи – немного же за книжку, правда? Вы не думайте, я не из партии, не из секты Детей Жизни какой. Тут стихи мои... Я сама на печатной машинке печатала, сшивала, и иллюстрации тоже сама рисовала! Хорошие стихи, возьмите...

Это была пожилая женщина в сером пальто, поношенном до невозможности, но очень чистом и опрятном. В руках она держала самодельные тоненькие книжечки, демонстрируя их всем. На обложке был изображен симпатичный акварельный пейзаж.

Предлагая свои книги, старушка подходила к каждому в очереди, но от нее просто молча отворачивались, а один парень, пижон в дутой куртке цвета «красный металлик» брезгливо поморщился, пробормотав «Побирушка...».

– А я не побираюсь! – старушка разволновалась, но затем гордо подняла голову. – Я хочу оплаты за свой труд! У меня хорошие стихи! Я всю жизнь их пишу! Доченька... – обратилась она уже ко мне. Губы ее дрожали. – Доченька, возьми книжечку... Три леи всего...

– Я очень люблю стихи, – проглотив вставший в горле ком, сказала я. – Давайте двадцать штук – знакомым подарю!

Она заволновалась, засуетилась, и, отсчитывая трясущимися руками сдачу, долго-долго меня благодарила, пока вновь подошедшие к очереди люди не заинтересовались ее книжками и тоже не захотели купить.

Сунув книжки в сумку, я подхватила картонную подставку с двумя обжигающе-горячими стаканчиками, и побежала по тротуару, покрытому наледью, каждую секунду боясь поскользнуться и эпично полететь вместе с этими стаканчиками.

– Никки!

Увидев водителя притормозившей около меня машины, я и правда едва не грохнулась – благо, хоть вовремя схватилась за капот автомобиля.

В отличие от Кастора Троя, который, похоже, носил полицейский китель и днем и ночью, Итан форму не любил и, в основном, всегда одевался в гражданское.

Вот он улыбается мне, перегнувшись через пассажирское сиденье, и сердце мое замирает от этой улыбки. Столько отчаянья, столько непростительного, грязного, постыдного в последнее время... Но есть он, Итан, и когда я рядом с ним, мне так хорошо, несмотря на все, что сейчас происходит в моей жизни. А я ведь так и не отдала ему свое письмо...

– Такой холод! Садись скорее!

Замирая от счастья, ныряю в теплый салон. У него такая открытая улыбка и такие ясные глаза! Мне нравится его замшевая светло-бежевая куртка и то, как он управляет машиной. Нравятся спокойные интонации его бархатистого голоса. По правде говоря, мне нравится в нем все!

– Все не мог улучшить момент, чтобы поговорить, – серьезно произносит он. – Тяжело тебе у Троя, да?

Я молчала, боясь, что не выдержу и позорно разревусь. Этого мне делать никак было нельзя. Если бы ты знал, Итан! О, если бы ты только знал!

– Вчера мне, наконец, удалось побеседовать с Шенком по поводу Кастора Троя, – не дождавшись моего ответа, продолжил он взволнованно. – Как он силой выбил из подозреваемого чистосердечное! Разговор выдался не из простых, и, честно говоря, поразил меня – комиссар целиком и полностью на стороне своего помощника. Что касается тебя – Шенк не поверил! Вот так просто! Заявил, что офицер Трой человек жесткий, но не станет переходить допустимых границ, и такой неженке, как ты, просто почудилось! А потом же сама и предложила ему себя в качестве помощницы. Он просто не хочет слушать, что Трой избрал тебя жертвой, заставил, запугал! Это невыносимо! Да у старого Дрезднера он бы вылетел в два счета! Полный беспредел! Но ты не бойся, Никки, я это так просто не оставлю! Во-первых, мы напишем на него жалобу в Еспенский суд, а во-вторых...

– погоди, Итан, – мне так сильно хотелось к нему прикоснуться, и я положила ладонь на кисть его руки. – Трой не заставлял меня. Я действительно сделала это сама. Мне сейчас очень нужны деньги, и дополнительная работа не мешает.

– Сама? – он повернулся ко мне всем корпусом, а я каким-то чудом смогла загнать слезы обратно – не дать им пролиться.

– Прости, что сбила тебя с толку, Итан, – продолжала я почти нормальным голосом. – Шенк прав – мне действительно показалось, я раздула из мухи слона. В тот день я была сама не своя. У офицера Троя и правда своеобразная манера, но он ни разу не переступал рамок дозволенного. Спасибо, что хотел помочь. Прости...

Позволив себе сжать его руку, я поняла, что больше просто не выдержу.

Хлопнув дверцей машины, я, прижимая к себе дурацкий кофе, побежала через всю парковку к боковому входу в отделение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.